

Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН)

На правах рукописи

БЕЗВЕРБНАЯ НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА

**ГЕНДЕРНОЕ НАСИЛИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ
МОЛОДОЙ СЕМЬЕ**

Специальность: 22.00.03 – Экономическая социология и демография

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель:

доктор социологических наук, профессор
Ростовская Тамара Керимовна

Нижний Новгород

2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ГЕНДЕРНОГО НАСИЛИЯ.....	16
1.1. Анализ гендерного насилия в контексте.....	16
био-психо-социальной природы человека.....	16
1.2. Проблема насилия в семье в зеркале гендерного и экономического подхода	35
1.3. Сравнительный анализ гендерного насилия в различных странах	47
ГЛАВА 2. ГЕНДЕРНОЕ НАСИЛИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ: ОТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ К ПРОФИЛАКТИКЕ	63
2.1. Структура факторов гендерного насилия в современной российской молодой семье.....	63
2.2. Авторские модели предупреждения	74
гендерного насилия и помощи его жертвам	74
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	105
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	110
Приложение 1	131
Приложение 2.....	136

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Гендерно-насильственное поведение является одной из наиболее популярных тем в отечественной социологии семьи и гендерной социологии на протяжении последних тридцати лет. Этому способствует нарастающая динамика случаев насилия в отношении женщин. Так, согласно Докладу Управления ООН по наркотикам и преступности, в 2017 году во всем мире были убиты более 87 тысяч женщин¹. Согласно официальной статистике, в России в этом же году в результате преступлений погибли 8500 женщин, то есть, почти 10% от общемировой статистики. В 2018 году в России по официальным данным в результате преступных посягательств погибли 8300 женщин. Случаев насилия, не приведших к столь трагическим последствиям, несоизмеримо больше, их основная часть скрыта от внимания правоохранительных органов и широкой общественности. Отметим, однако, что по официальной информации количество насильственных преступлений в отношении женщин снижается в два раза медленнее, чем статистика подобных преступлений в отношении мужчин. Так, по официальным данным Росстата, в 2000 году было зарегистрировано 1441,1 тысяч преступлений в отношении мужчин, а в 2018 году – 724,4 тысяч, то есть снижение составило почти 50%. В отношении женщин картина принципиально иная: изменение составило не более 6,5%, с 654,4 тысяч преступлений в 2000 г. до 610,8 тысяч в 2018 г.²

На фоне постоянства интереса к проблематике гендерного насилия со стороны научного и экспертного сообщества отчетливо выделяются всплески особого интереса к ней, обусловленные динамикой социального, правового и культурного контекста. Первым обстоятельством, обусловившим повышение внимания к гендерному насилию в последние годы в Российской Федерации, стали изменения в законодательстве, которые вывели за пределы уголовной

¹ Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, Всемирный доклад о наркотиках, 2017 год (ISBN: 978-92-1-148291-1, eISBN: 978-92-1-060623-3, издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.17.XI.6).

² Приведены данные, опубликованные в сборниках, докладах и на сайте Росстата (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/pravo/10-05.htm, дата обращения: 17.06.2021).

ответственности побои, наносимые близким людям¹. Декриминализация статьи 116 «Побои» перевела такие случаи в разряд административных правонарушений, предусматривающих совсем иную, по сравнению с уголовной, ответственность и правовые последствия для субъекта насилия. Это решение также затруднило и без того непростую ситуацию с количественной оценкой случаев семейного насилия.

Другим обстоятельством, обусловившим подъем интереса к изучаемой проблеме, стала пандемия CoViD-19, потребовавшая введение локдауна как потенциально эффективной противоэпидемической меры. Постоянное нахождение в ограниченном пространстве, возникновение финансовых трудностей, низкая культура взаимоотношений стали факторами формирования насильственного поведения даже в тех семьях, в которых ранее оно не возникало или не было столь острым. Выявление роли пандемии CoViD-19 в увеличении случаев гендерного насилия и его количественная оценка является одной из задач предпринимаемого диссертационного исследования.

Основной сферой проявления гендерного насилия является семья в целом и молодая семья, в частности, для которой оно превращается в ведущий фактор семейной дисфункциональности. Для анализа взята категория молодых семей, которые «...состоят в заключенном в установленном законодательством Российской Федерации порядке браке, в том числе воспитывающие ребенка (детей), в возрасте до 35 лет включительно»².

Многообразие форм, постоянство его проявлений препятствуют реализации основных институциональных функций молодой семьи: репродуктивной, воспитательной, хозяйственно-бытовой. Проблема насилия в молодых семьях требует пристального внимания общества и государства.

¹ Федеральный закон «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 07.02.2017 N 8-ФЗ (последняя редакция) [Справочная правовая система «КонсультантПлюс»]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212385

² Федеральный закон от 30.12.2020 N 489-ФЗ "О молодежной политике в Российской Федерации". Собрание законодательства РФ", 04.01.2021, N 1 (часть I), ст. 28.

От того, как и в какой степени эти проблемы станут уменьшаться, будут зависеть атмосфера в более «зрелой» семье и стабильность института семьи в целом.

В контексте реализации текущих Национальных проектов и утвержденной в 2021 году Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹, решение проблем связанных со «сбережением народа России и развитием человеческого потенциала» становится задачей первостепенной государственной важности.

Степень научной разработанности проблемы. Тема гендерного насилия представляет пример междисциплинарного синтеза и интеграции нескольких направлений социологического знания. Так, работы Е.А. Баллаевой, Л.А. Василенко и Л.А. Колесниковой, И.Е. Калабихиной, В.А. Козлова, М.М. Малышевой, Т.В. Морозовой, М.П. Пискаловой-Паркер, Н.М. Римашевской И.В. Сошниковой, Г.А. Чупиной² посвящены непосредственно проблематике гендерного насилия, методам его диагностики и специфике проявления в различных сферах социального функционирования: в семье, трудовой деятельности, образовании, гражданской активности.

Теоретическое осмысление гендерного насилия как феномена современного общества, выявление его характеристик и динамики, анализ

¹ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 –О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/>

² Баллаева Е.А., Пискалова-Паркер М.П. Институциональные факторы насилия в семье. В книге: Женщины России XXI века. Гендерные исследования. РАН, Институт социально-экономических проблем народонаселения, Научный совет по проблемам гендерных отношений. Москва, 2016. С. 82-92; Василенко Л.А., Колесникова Л.А., Пискалова-Паркер М.П. Применение концепции фрактальности к исследованиям деструктивных процессов методами клинической социологии // Человеческий капитал. 2012. № 9 (45). С. 62-67; Калабихина И.Е., Козлов В.А. Домашнее насилие в отношении женщин в современной России: влияние социально-демографических характеристик супругов на распространенность насилия // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2009. №1, с. 62-84. Римашевская Н.М., Малышева М.М., Морозова Т.В., Пискалова-Паркер М.П. Транспоколенческое насилие в семьях // Народонаселение. 2017. № 1 (75). С. 65-78; Римашевская Н.М., Малышева М.М., Морозова Т.В., Пискалова-Паркер М.П. Домашнее насилие: оценка российскими домохозяйствами // Народонаселение. 2016. №1 (71). С. 103-115; Римашевская Н.М., Малышева М.М., Морозова Т.В., Пискалова-Паркер М.П. Гендерные представления и домашнее насилие в молодых семьях Карелии // Народонаселение. 2016. № 2 (72). С. 50-60; Сошникова И.В., Чупина Г.А. Насилие в семье: социальные предпосылки и факторы риска // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 20 (201). Философия. Социология. Культурология. Вып. 18. С. 174–188.

исторической и социально-культурной преемственности деструктивных форм внутрисемейного взаимодействия и поиск методологических основ для его изучения является важной частью гендерной социологии, гендерологии и феминологии, представленной в трудах В.Г. Доброхлеб, О.А. Ефановой, О.Н. Махровой, И.С. Кона, Л.Г. Луняковой и Н.Е. Русановой, Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной, О.Г. Овчаровой и Т.Б. Рябовой, Н.Л. Пушкаревой, И.Н. Смирновой, Г.Г. Силласте, О.А. Хасбулатовой, З.А. Хоткиной¹.

Весомый вклад в разработку проблематики гендерного насилия принадлежит социологии семьи. Семья в силу высокого конфликтогенного потенциала, формирующегося за счет социально-демографических, социально-экономических, индивидуально-психологических и поведенческих различий ее членов, аккумулирует значительные риски возникновения гендерного насилия. Поэтому именно в семье оно проявляется чаще и острее, имея подчас самые трагические последствия. Другой фактор – институциональная динамика самой семьи, в результате которой радикальному пересмотру могут подвергаться фундаментальные представления о мужском и женском. Указанные аспекты нашли отражение в работах А.Г. Вишневого, О.Н. Безруковой, Т.А. Гурко, Н.Ю. Егоровой,

¹ Доброхлеб В.Г., Ефанова О.А., Махрова О.Н. Гендерное равенство и социальные инновации в современной России // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. № 3-4. С. 5-14; Доброхлеб В.Г. Об обеспечении гендерного равенства в России // Народонаселение. 2008. № 2 (40). С. 159-161; Доброхлеб В.Г., Римашевская Н.М., Русанова Н.Е., Хоткина З.А., Лунякова Л.Г. гендерные стереотипы и проблемы. В книге: Народонаселение современной России: риски и возможности. Коллективная монография. Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. Москва, 2013. С. 201-215; Кон И. С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Постклассические гендерные исследования: коллективная монография. / Отв. ред. Н. Х. Орлова. — СПб.: Изд-во СПбУ, 2011. — 200 с. — С. 8–32; Темкина А.А., Здравомыслова Е.А. Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 5. С. 15-38; Рябова Т.Б., Овчарова О.Г. Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы // Женщина в российском обществе. 2016. № 1 (78). С. 3-23; Пушкарева Н.Л. Историческая феминология, женская и гендерная история: итоги и перспективы // Женщина в российском обществе. 2002. № 2-3. С. 32-37; Силласте Г.Г. Социальные трансформации и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3- 16; Хасбулатова О.А. Женское движение в современной России // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 14-26; Хасбулатова, О. А., Смирнова, И. Н. Женское движение и государство: историко- социологический анализ / О. А. Хасбулатова, И. Н. Смирнова. — Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. — 236 с.; Хасбулатова О.А., Смирнова И.Н. Гендерные стереотипы в цифровом обществе: современные тенденции // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 2. С. 161-171; Хоткина З.А., Доброхлеб В.Г., Русанова Н.Е. Гендерные проблемы в современной России и методология их анализа // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 4. — С. 135–149. DOI: 10.26653/1561–7785–2018–21–4–12.

И.Л. Сизовой, Е.С. Рябинской, А.Л. Янак, О.Г. Исуповой, И.С. Клециной, А.Б. Синельникова, З.Х. Саралиевой, Ж.В. Черновой, Л.Л. Шпаковской¹.

В последние годы в научных публикациях, посвященных гендерному насилию, все отчетливее прослеживается его связь с проблемами воспроизводства населения, социальной стабильности, социальной безопасности и, как следствие, социальной политики. Дискурс сместился с конструирования социальной проблемы гендерного насилия к оценке эффективности предпринимаемых против него мер и роли внешних переменных в динамике его показателей. Эти процессы отражены в работах А.И. Антонова, Е.Н. Васильевой, Т.К. Ростовской и А. Сулейманлы, Д.А. Кулабухова, Е.И. Мозговой, О.А. Волковой, П.И. Ананченковой².

Несмотря на широкое освещение проблем гендерного насилия в российских научных публикациях, существует явный недостаток работ, в которых бы нашли отражение особенности проявления гендерного насилия в современной российской молодой семье, а также динамические характеристики самого гендерного насилия, обусловленные влиянием

¹ Безрукова О.Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 118-130; Вишневский А. Г. Эволюция российской семьи // Экология и жизнь. 2008. № 7. С. 8-13; Гурко Т.А. Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 2. С. 65-80; Егорова Н.Ю., Сизова И.Л. Распределение трудовых и домашних обязанностей в современной семье // Личность. Культура. Общество. 2014. Т. 16. № 1-2. С. 204-212; Егорова Н.Ю., Сизова И.Л. Имеет ли российская семья шанс стать солидарной? // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 97-102; Егорова Н.Ю., Янак А.Л., Рябинская Е.С. Родительские роли в современной российской семье: границы «мужского» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 233-251; Исупова О.Г. Материнская карьера: дети и трудовые стратегии // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 185-194; Клецина И.С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 29—41; Саралиева З.Х. Субинститут родительства в современных семейных системах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 2 (34). С. 118-123; Синельников А.Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т.24. № 1. С. 95-113; Чернова Ж.В. Специфика гендерных отношений молодых взрослых // Социологические исследования. 2012. № 7 (339). С. 118-127; Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Дискурсивные модели современного российского родительства // Женщина в российском обществе. 2013. № 2 (67). С. 14-26.

² Антонов А.И. О стратегии и тактике семейно-демографической политики в связи с институциональным кризисом семейных функций и людских ресурсов // Семья в современном обществе / под ред. С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской. М.: Экон-Информ, 2018. С. 15-20; Васильева Е.Н., Ростовская Т.К., Сулейманлы А. Демографические угрозы национальной безопасности в политическом дискурсе РФ (1992-2019) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 2. С. 255-272; Кулабухов Д.А., Мозговая Е.И., Волкова О.А., Ананченкова П.И. Пандемия COVID-19 как фактор трансформации домашнего насилия // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29. № 1. С. 41-45.

социально-экологического, правового и культурного контекста, обуславливающие необходимость в гибком и комплексном подходе к его снижению и профилактике.

Объектом диссертационного исследования является феномен гендерного насилия.

Предмет диссертационного исследования – особенности проявления гендерного насилия в современной российской молодой семье.

Цель диссертационного исследования – выявление особенностей проявления гендерного насилия в современной российской молодой семье как основы для разработки мер по снижению его уровня и профилактике.

Цель исследования реализуется в следующих задачах:

1. Анализ гендерного насилия в контексте био-психо-социальной природы человека и поиск теоретической модели.
2. Изучение характеристик насилия на основе сравнительного анализа.
3. Выявление основных групп факторов и оценка их влияния на распространенность и характеристики гендерного насилия в современной российской молодой семье.
4. Анализ матримониальных и репродуктивных установок молодежи как предикторов гендерно-насильственного поведения.
5. Построение авторской модели профилактики гендерного насилия в современной российской молодой семье.

Гипотеза диссертационного исследования. В основе гендерного насилия в молодой российской семье лежит гендерное неравенство, обусловленное экономическими факторами, социальными нормами, семейными ценностями и традициями, специфическими для конкретных регионов, где формируются либо условия для противодействия насилию, либо предпосылки для его воспроизводства в последующих поколениях.

Теоретико-методологическую базу диссертационного исследования составили: био-психо-социальный подход к человеку (Д. Даттон),

показывающий возможности и риски генерации гендерного насилия на каждом из этих уровней организации личности; бихевиористский подход (А. Бандура, Дж. Кауфман, Э. Зиглер), объясняющий механизмы межпоколенной преемственности гендерно-насильственных поведенческих паттернов; экономический подход (Г. Беккер), рассматривающий гендерное насилие, как результат социального неравенства и зависимости жертв от субъектов; подход с позиций социального конструирования (М. Спектор, Дж. Китсьюз) для обоснования модели профилактики гендерного насилия.

Эмпирическую базу составили качественные и количественные исследования:

1. Авторское исследование, проведенное методом глубинного интервью (N=56) с руководителями НКО и кризисных центров, практикующими юристами, координаторами Центра защиты пострадавших от домашнего насилия в десяти субъектах Российской Федерации: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Республика Карелия, Приморский край, Красноярский край, Иркутская, Калининградская, Новосибирская, Ростовская, Томская области.

2. Результаты выборочного регионального социологического исследования «Гендерное насилие как социальный феномен», проведенного при участии автора методом анкетного опроса в 2017-2018 гг. в Москве (N=156, выборка – целевая). Руководитель: д.соц.н., профессор Т.К. Ростовская.

3. Всероссийское социологическое исследование «Демографическое самочувствие России», проведенное при участии автора в конце 2019 – начале 2020 гг. в Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Уральском, Северокавказском, Южном федеральных округах. N=5616 представители различных поколений в возрасте от 18 до 50 лет. Выборка многоступенчатая.

4. Результаты регионального исследования «Представления студентов о семье», проведенного в Нижегородской области при участии автора в 2020 г. методом массового опроса (N=1086).

Научная новизна диссертационного исследования:

1. Проведен теоретический анализ гендерного насилия в контексте био-психо-социальной природы человека и доказана перспективность использования бихевиористского, социально-экологического и социально-экономического подходов к анализу гендерного насилия в современной российской семье.

2. На основании сравнительного исследования определены характерные черты и особенности проявления гендерного насилия в России и за рубежом.

3. Показана роль социально-демографических и социально-экологических факторов в динамике показателей и формировании характеристик гендерного насилия в современной российской молодой семье.

4. Показан двойственный характер дискурса гендерного насилия в современной России.

5. Предложены авторские модели *профилактики* гендерного насилия в молодой российской семье и *помощи его жертвам*.

Положения, выносимые на защиту.

1. Био-психо-социальная природа гендерного насилия обуславливает необходимость его анализа с точки зрения нейробиологического, психопатологического, системного и феминистского подходов. Однако для достижения цели нашего исследования целесообразно рассмотреть феномен гендерного насилия с позиций бихевиористского, социально-экологического и социально-экономического подходов. Так, использование положений бихевиоризма позволяет описать механизмы межпоколенной преемственности паттернов гендерно-насильственного поведения; социально-экологический подход дает возможность включить в анализ переменные внешней среды, оказывающие воздействие на динамику и формы проявления изучаемого явления; социально-экономический подход

объясняет природу виктимности жертв, как следствие их материальной зависимости от субъектов насилия.

2. Понимание российской специфики проявления гендерного насилия возможно в результате сравнительного анализа. Очевидной спецификой гендерно-насильственных действий в нашей стране является их преимущественно экономическая обусловленность и социально-психологическая направленность. Это отличает российскую картину от стран, где эти действия имеют форму традиций и не поддаются гендерно-насильственной идентификации. Среди таковых – ранние браки в некоторых общинах США, ритуальные изнасилования в Южной Африке, торговля людьми, селекция пола, калечение женщин в Нигерии, «убийства чести» в Ираке или Пакистане. Наряду с этим в нашей стране отмечается высокий порог социальной приемлемости психологических, экономических и физических форм гендерного насилия, очевидное стремление к сокрытию подобных случаев семьей и крайне низкий уровень обращаемости за профессиональной помощью. Последнее обстоятельство усугубляется небольшой численностью кризисных центров и несовершенством правового регулирования гендерно-насильственного поведения.

3. Актуальная структура факторов гендерно-насильственного поведения в молодых российских семьях должна рассматриваться в рамках (1) социально-демографического, (2) социально-экологического и (3) поведенческого подхода. К первой группе факторов относятся: возраст жертвы, количество и возраст детей, порядковый номер брака, уровень образования женщины и уровень ее материальной самостоятельности. Вторая группа включает в себя факторы внешней среды: жесткость противозидемических мер и динамика законодательства, устанавливающего ответственность за гендерно-насильственные действия. Третья группа объединяет факторы, связанные с процессами социального научения: опыт жертвы или субъекта гендерного насилия в семейном бэкграунде, уровень культуры общения, а также наличие зависимостей.

4. Современный российский дискурс гендерного насилия носит двойственный характер, выражающийся в фактическом столкновении двух противоположных тенденций. Первая идет в духе общемировых интенций, направленных на снижение показателей гендерного насилия, формирования атмосферы его неприятия, соблюдения прав человека и установление гендерного равноправия. Другая тенденция, заключающаяся в популяризации традиционных семейных ценностей, основанных на традиционных патриархальных установках, гендерном дисбалансе и подчинении, имеет фактически обратную направленность. Указ о декриминализации побоев, принятый в 2017 г., в отношении близких, маргинальный статус кризисных центров, признание некоторых из них иностранными агентами также являются экспонентами тенденции допустимости семейного насилия в рамках данной парадигмы.

5. Основу *модели профилактики* гендерного насилия в России должны составить меры по просвещению детей и информированию взрослого населения о формах гендерно-насильственного поведения и его недопустимости во всех сферах социального функционирования. Важным элементом данной модели должно стать возвращение уголовной ответственности за избиение близких родственников. В основе *модели помощи* пострадавшим от гендерного насилия лежит комплексная работа с его жертвами посредством формирования инфраструктуры служб, а также межведомственное взаимодействие социальных и медицинских служб с правоохранительными органами.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования состоит в систематизации существующих подходов к проблеме гендерного насилия с учетом био-психо-социальной природы человека, а также в использовании гендерного и экономического подходов при выявлении факторов гендерного насилия в семье. Использование сравнительного анализа позволило определить специфику проявления гендерного насилия в современной России и продемонстрировать

противоречивость текущей ситуации, обусловленной сочетанием либеральных и традиционных взглядов на семью и семейные отношения.

Практическая значимость диссертационной работы реализуется в научной, образовательной и управленческой деятельности. Приведенные в работе данные эмпирических исследований открывают перспективы для дальнейших исследований гендерного насилия. Материалы диссертации могут быть использованы в вузовских курсах «Социология семьи», «Демография», «Гендерная социология», а также при создании новых курсов «Международный сравнительный анализ гендерного насилия», «Экономические факторы гендерного насилия». В сфере управленческой деятельности результаты диссертационного исследования могут быть использованы руководителями и специалистами сферы социальной защиты населения при проектировании, организации и представлении социальных услуг российским молодым семьям, члены которых подверглись насилию, а также в работе по социальному конструированию проблемы гендерного насилия и разработке программ и проектов по профилактике гендерного насилия.

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается выбором релевантной теоретико-методологической основы, масштабной эмпирической базой исследования, а также анализом правовых документов, сочетанием качественных и количественных методов социологического исследования.

Соответствие диссертации требованиям Паспорта научной специальности ВАК РФ.

Диссертационное исследование соответствует содержанию специальности 22.00.03 – «Экономическая социология и демография» в части п. 23. Гендерная социология; п. 24. Социология семьи и брака; п. 28. Этнические особенности демографических процессов.

Апробация результатов исследования.

Отдельные положения диссертации обсуждались на следующих международных и всероссийских научно-практических конференциях:

- Всероссийская научно-практическая конференция «Социально-демографический потенциал российской молодежи», 22-24 апреля 2021 года, ИДИ ФНИСЦ РАН, Республика Крым, г. Ялта;
- Международный научно-практический семинар «Экология и гендер: исследования и практика», 2 марта 2020 г., ИСЭПН РАН, г. Москва;
- IX международная научная конференция «Социально-политическое измерение процессов Евразийской интеграции» 20 ноября 2020 г., ИСПИ ФНИСЦ РАН, г. Москва;
- II Всероссийский демографический форум с международным участием 4-5 декабря 2020 г., ИДИ ФНИСЦ РАН, г. Москва;
- Международная научно-практическая конференция «Социальные процессы современной России». 19-20 ноября 2020 г., ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижегородская область, г. Нижний Новгород;
- Всероссийский демографический форум с международным участием ИСПИ РАН. 27-28 мая 2019 г., РАН, г. Москва;
- Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2019». 9-11 апреля 2019, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва;
- XI международный научно-практический форум «Миграционные мосты в Евразии: новые подходы к формированию миграционной политики в интересах устойчивого развития». 5-6 декабря 2019 г. МГИМО МИД России, г. Москва;
- Всероссийская научно-практическая конференция «Культурное пространство молодежи: смыслы и практики», ИСПИ РАН, 19 апреля, 2019 г., Республика Крым, г. Ялта;

– I Римашевские чтения. Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни. Материалы общероссийской научно-практической конференции, 27 марта 2018, ИСЭПН РАН, г. Москва.

Основные положения диссертационного исследования изложены в 27 публикациях общим объемом 16,4 п.л. (личный вклад соискателя составил 8,2 п.л.), в том числе, в 11 статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки Российской Федерации.

Структура диссертационной работы включает введение, две главы, содержащие пять параграфов, заключение, список литературы, два приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ГЕНДЕРНОГО НАСИЛИЯ

1.1. Анализ гендерного насилия в контексте био-психо-социальной природы человека

Широкий спектр теоретических подходов дает большие возможности для понимания факторов формирования, сфер и способов реализации гендерного насилия, создает методологическую базу для многочисленных социологических исследований данного феномена. Все это, однако, не снижает остроты проблемы гендерного насилия как в России, так и за рубежом.

Мы разделили многочисленные объяснения семейного насилия на пять групп: биологические/органические, психопатологические, семейные системы, социальное обучение и феминистские.

Органические и биологические подходы

Биологические теории преступного поведения существуют уже более века, то входя в моду, то выходя из нее. Достаточно вспомнить натуралистические объяснения преступного поведения в работах Ч. Ломброзо¹ или больного сознания в трудах Ш. Блонделя². Если говорить о гендерном насилии, то в современной литературе можно выделить два доминирующих объяснения. Первую группу факторов можно охарактеризовать, как психоорганическую. Она заключается в том, что насилие по отношению к членам семьи у мужчин может вызвать травмаголовы или врожденное нарушение определенных мозговых структур.

¹ Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. М: АСТ, 2019. – 384 с. – ISBN 978-5-17-112606-3.

² Blondel Ch. La Conscience Morbide: Essai De Psychopathologie Générale. London: Wentworth Press, 2019. – ISBN 978-0353799615.

Так, П. Гиран и А. Розенбаум опубликовали серию статей, в которых связали супружескую агрессию с травмами головы¹. В качестве доказательства они привели факт, что многие агрессивные мужчины рассказывали о перенесенных в детстве травмах головы, а в более поздних работах выяснилось, что многие мужчины с подобным опытом были жестоки по отношению к членам семьи. Они расширили эту корреляцию до возможной причинно-следственной связи, поскольку дисфункция мозга и неврологические нарушения, вызванные травмой головы, могут снижать контроль над импульсами, искажать суждения, вызывать трудности в общении и создавать повышенную чувствительность к алкоголю. Кроме того, изменения личности и поведения, связанные с травматическим поражением головы, могут повысить уровень стресса в семье. Неврологические профили мужчин с черепно-мозговой травмой сходны с профилями мужчин, злоупотребляющих алкоголем. Исследователи отмечают, что обнаружение такой связи не будет популярным в научном сообществе, отчасти потому, что это может освободить жестоких мужчин от ответственности за их действия. Они признают несколько методологических ограничений исследования, одно из которых заключается в том, что травмы головы могут быть вызваны жестоким обращением с детьми, и в этом случае корреляция между жестоким обращением супругов и травмами головы вполне может быть и ложной. Более поздние исследования также показали, что мужчины с травмами головы не были более агрессивными, чем другие мужчины². Хотя они и рекомендуют проводить тесты нейропсихологического функционирования у насильников при поступлении в полицию, они не предлагают практически никаких стратегий вмешательства, кроме возможности того, что медикаментозная терапия может быть полезной в выработке стратегий

¹ Gearan, P. and A. Rosenbaum (1996). Biological Factors in Relationship Aggression. In R.S. Fledman (ed.). *The Psychology of Adversity*. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, pp. 183- 198; Rosenbaum, A. and S.K. Hoge (1989). Head Injury and Marital Aggression. *American Journal of Psychiatry*, 146: 1948-1951.

² Warnken, W.J., A. Rosenbaum, K.E. Fletcher, S.K. Hoge and S.A. Adelman (1994). Head-Injured Males: A Population at Risk for Relationship Aggression? *Violence and Victims*, 9(2): 153-166.

преодоления трудностей¹ или даже в непосредственном снижении насилия². Эта точка зрения, соответственно, предлагает мало помощи, за исключением двух аспектов. Во-первых, в сочетании с появляющимися исследованиями о неврологических повреждениях, вызванных жестоким обращением и пренебрежением в раннем детстве³, она увеличивает количество доказательств того, что усилия по первичной профилактике имеют решающее значение. Во-вторых, это наводит на мысль о том, что часть населения мужчин, подвергающихся жестокому обращению, может не реагировать на психообразовательные или когнитивные вмешательства, предлагаемые в отдельности.

Неодарвинистские и эволюционно-психологические объяснения мужской агрессии против женщин подчеркивают влияние генетики на поведение. Эти объяснения предполагают, что «на наши социальные взаимодействия влияют наследственные предрасположенности (то есть тенденции) действовать так, как было адаптивно в прошлом наших предков»⁴. Если в популяции преобладает определенный тип поведения, то, как утверждается, это поведение, вероятно, способствовало размножению предков особей, демонстрирующих такое поведение⁵. Другими словами, поведение, которое помогает организмам успешно реагировать на экологические и другие проблемы и тем самым хорошо размножаться, скорее всего, передается по наследству генетически. Согласно этим теориям, любое поведение является продуктом внутренних психологических механизмов, выработанных в ходе естественного отбора для решения какой-то проблемы.

¹ Gearan, P. and A. Rosenbaum (1996). Biological Factors in Relationship Aggression. In R.S. Fledman (ed.). *The Psychology of Adversity*. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, pp. 183- 198.

² Maiuro, R.D. and D.H. Avery (1996). Psychopharmacological Treatment of Aggressive Behavior: Implications for Domestically Violent Men. *Violence and Victims*, 11(3): 239-261.

³ Perry, B.D. (1997). Incubated in Terror: Neurodevelopmental Factors in the —Cycle of Violence. In J.D. Osofsky (ed.), *Children in a Violent Society*. New York, NY: Guilford Press, pp. 124-149.

⁴ Emlen, S.T. (1997). The Evolutionary Study of Human Family Systems. *Social Science / Information sur les Sciences Sociales*, 36: 563-589; Палмер Л., Палмер Дж. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo Sapiens. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. — 384 с.

⁵ Ellis, L. (1998). Neo-Darwinian Theories of Violent Criminality and Antisocial Behavior: Photographic Evidence from Nonhuman Animals and a Review of the Literature. *Aggression and Violent Behavior*, 3: 61-110.

Входные данные (внешние или внутренние от других механизмов) обрабатываются с помощью правил принятия решений для получения какого-либо результата, например, физиологической активности или поведения¹. Генетическое влияние, однако, не рассматривается как чистый детерминизм, поскольку оно не определяет поведение. Скорее, оно влияет на поведение в конкретных условиях и в ответ на конкретные сигналы или триггеры². Эти теории утверждают, что эволюционные силы благоприятствуют организмам, способным успешно размножаться и передавать свои гены. Поэтому самцы будут пытаться найти и удержать молодых, плодовитых партнерш, способных произвести здоровое потомство. Предполагается, что агрессия и агрессивность самцов по отношению к партнершам могла развиваться как особая тактика, позволяющая сохранить сексуальную верность самки, тем самым сохраняя репродуктивный контроль над ней. С генетической точки зрения мужчине крайне нежелательно вкладывать долгосрочную родительскую заботу в потомство, не несущее его генов. С другой стороны, самки будут склоняться к высокостатусным партнерам, которые могут обеспечить кров и заботу о потомстве, которое они производят. Если самцы считают, что их статус ниже, чем у их соплеменников (например, у людей, если они не могут найти работу или внезапно теряют ее), или если они считают, что их товарищи очень привлекательны для других самцов и поэтому могут быть неверными или вообще покинуть их, внутренние механизмы, основанные на генах, могут запустить тактику удержания товарищей, чтобы самки не уходили от других самцов или не оплодотворялись ими. Такая тактика, как утверждается, может варьироваться от доброжелательных попыток вернуть расположение самки до угроз насилия, физического нападения и убийства. Убийство партнера самки может показаться контрпродуктивной попыткой сохранить самку и ее

¹ Buss, D.M. and T.K. Shackelford (1997). Human Aggression in Evolutionary Psychological Perspective. *Clinical Psychology Review*, 17: 605-619.

² Branningan, A. (1997). Self-Control, Social Control and Evolutionary Psychology: Towards an Integrated Perspective on Crime. *Canadian Journal of Criminology*, 39: 403-431.

репродуктивные способности. Однако М. Уилсон и М. Дейли¹ утверждают, что случайное убийство партнерши позволяет угрозам агрессии оставаться эффективными. Угрозы теряют эффективность, если они не выполняются время от времени одними мужчинами, и их действия помогают другим в их попытках удержать товарищей. В целом, сексуальная ревность и подозрения в неверности партнера-женщины, реальные или воображаемые, являются основой для многих супружеских нападений и убийств. Эмпирическая поддержка большинства этих теорий, как правило, основана на исследованиях на животных из-за трудностей в проведении исследований на людях (например, по этическим соображениям исследователи не могут пытаться вывести более или менее агрессивных человеческих самцов для проверки своих гипотез о наследуемости поведения). Хотя будущие исследования, такие как изучение ДНК, возможно, смогут эмпирически обосновать основанные на генах эволюционные гипотезы об агрессии самцов по отношению к партнершам, в настоящее время имеется мало эмпирических доказательств в поддержку этих теорий.

Психопатологический подход

Этот подход к семейному насилию фокусируется на индивидуальных особенностях личности выявленных насильников, либо тех, кто находится на лечении или в тюрьме. В последние десятилетия данный подход получил достаточно широкое распространение. Сторонники этой точки зрения полагают, что усилия по решению проблемы гендерного насилия в последние два десятилетия, в основном с использованием феминистского анализа, создали дилемму для клиницистов, пытающихся разработать эффективные программы лечения мужчин-насильников. Не отрицая роли социальных

¹ Wilson, M.I. and M. Daly (1996). Male Sexual Proprietariness and Violence Against Wives. *Current Directions in Psychological Science*, 5: 2-7.

факторов как предикторов насилия¹, усилия по исправлению давно укоренившихся социальных установок и структурного неравенства не повлияют на поведение сегодняшних мужчин-насильников. Необходимость разработать подход к лечению жестоких мужчин заставила некоторых исследователей таких, как психолог Дональд Даттон, сосредоточиться на индивидуальном уровне анализа, проводя психологическую оценку профилей мужчин-насильников. Приверженцы этого подхода утверждают, что усилия по вмешательству не могут быть полностью сосредоточены на макросоциальных аспектах таких, как коррекция социальных установок, а должны принимать во внимание уникальные характеристики насильника. Хотя общество должно сохранять приверженность мерам по борьбе с насилием в отношении женщин на макроуровне, с клинической точки зрения утверждается, что необходимо разработать более индивидуализированные планы лечения для лиц, совершивших насилие. Лечение может быть эффективным только тогда, когда оно соответствует особым потребностям конкретного человека². Ряд исследований психологических профилей мужчин, избивающих людей, направленных судом, показал, что определенные профили личности такие, как антисоциальные и пограничные личности, среди них представлены чрезвычайно широко³.

Все эти исследования включали сравнительно большое количество участников (от 21 до 140), состоящих из лиц, совершивших акты гендерного насилия, а также контрольных групп без известной истории насильственного поведения. Наиболее значимым результатом этих исследований, особенно с точки зрения последующей терапии, представляется то, что пограничная организация личности, которая, как считается, распространена примерно на

¹ Dutton, D.G. and A.J. Starzomski. (1997). Personality Predictors of the Power and Control Wheel. *Journal of Interpersonal Violence*, 12(1): 70-82.

² Saunders, D.G. (1996). Feminist-cognitive-behavioral and Process-psychodynamic Treatments for Men who Batter: Interaction of Abuser Traits and Treatment Models. *Violence and Victims*, 11: 393-414.

³ Greene, A.F., C.J. Coles and E.H. Johnson (1994). Psychopathology and Anger in Interpersonal Violence Offenders. *Journal of Clinical Psychology*, 50: 906-912.

11-15 процентов в общей популяции¹, среди мужчин-насильников значительно преобладает. В исследовании Д. Даттона и Э. Старзомски², в котором приняли участие 78 мужчин, самостоятельно обратившихся за помощью и обратившихся в суд в связи с нападением жены, было установлено, что более 79% всей выборки имели клинически значимые расстройства личности, причем пограничные расстройства личности были выявлены у 37% мужчин. Этот вывод совпадает с результатами исследования коллектива под руководством Л. Элс, которые сообщили, что 33% их испытуемых соответствовали критериям пограничного расстройства личности³. Даттон и Голант предположили, что многие черты пограничной организации личности (ПОЛ) и ее более тяжелой формы, пограничного расстройства личности (ПРЛ), могут быть выявлены у мужчин-насильников с помощью клинически валидных психологических инструментов⁴. Эта работа согласуется с теми, кто обращает внимание на проблемы привязанности в раннем детстве как на источник насилия в отношениях⁵. В этих отношениях анализ Д. Даттона предлагает больше, чем традиционная психиатрическая перспектива, где вместо объяснения выдвигаются такие ярлыки, как «антисоциальная личность» предполагают, что мужчины-насильники имеют весьма хрупкое чувство собственного достоинства, которое часто можно проследить на примере раннего детского опыта реальной или воображаемой потери, покинутости, амбивалентной или злобной привязанности. Этот ранний детский опыт создает озлобленного и отстраненного подростка, страдающего от общего чувства неполноценности. Такой подросток, если он затем попадает в социальную среду, которая моделирует и/или потворствует жестокому поведению по отношению к женщинам и пропагандирует

¹ Dutton, D.G. and S.K. Golant (1995). *The Batterer: A Psychological Profile*. New York, NY: Basic Books, Inc.

² Dutton, D.G. and A.J. Starzomski. (1994). Psychological Differences Between Court-referred and Self-referred Wife Assaulters. *Criminal Justice and Behavior*, 21:203-222

³ Else, L.T., S.A. Wonderlich, W.W. Beatty, D.W. Christie and R.D. Staton (1993). Personality Characteristics of Men who Physically Abuse Women. *Hospital and Community Psychiatry*, -59- 44: 54-58.

⁴ Dutton, D.G. and S.K. Golant (1995). *The Batterer: A Psychological Profile*. New York, NY: Basic Books, Inc

⁵ Kesner, J.E., T. Julian and P.C. McKenry (1997). The Application of Attachment Theory to Male Violence Toward Female Intimates. *Journal of Family Violence*, 12(2): 211-228.

стереотипное отношение, требующее «мужского» отрицания чувств и внутреннего «я», дома или в обществе, считается подверженным высокому риску стать агрессивным в интимных отношениях. В этом случае у него не развивается соответствующее возрасту чувство ответственности, и он начинает процесс перекладывания вины на других. Они видят во всем либо хорошее, либо плохое, они боятся испытывать потребность в другом человеке, потому что просчитывают возможность того, что его снова бросят. Он будет действовать, так, чтобы уменьшить вероятность испытать боль от разрыва отношений.

Основным ограничением вышеописанных подходов является сведение гендерного насилия к биологическим и внутренним психологическим детерминантам, следствием чего является фактическое игнорирование социальных, культурных и иных переменных, роль которых в формировании личности насильника очевидна и признана научным сообществом.

Системный подход

В рамках данного подхода основное внимание уделяется роли межличностных факторов, характеризующих пары с опытом гендерного насилия. Семья рассматривается здесь, как динамическая организация взаимозависимых элементов, которые постоянно взаимодействуют друг с другом. Агрессивные действия мужчины по отношению к жене с этой теоретической точки зрения приводят к реакции другого члена семьи (например, вызов полиции, убежище в женском приюте). Это, в свою очередь, влияет на вероятность агрессивного поведения в будущем. Считается, что насилие поддерживается с помощью ролей, отношений и механизмов обратной связи, которые регулируют и стабилизируют систему. Если насилие вознаграждается системой, то вероятность его повторения возрастает. Со временем динамика может стать настолько устоявшейся, что ее трудно будет прервать. Это причинно-следственное объяснение предполагает, что единицей анализа для оценки и вмешательства является

семья или подсистема в семье (например, взрослая пара), а не один или несколько индивидуумов в отдельности. Коммуникативные паттерны внутри пар могут лучше определять агрессивные и неагрессивные отношения, чем внутриличностные или демографические характеристики¹. Межличностные корреляты физической агрессии по отношению к близким включают повышенный уровень ригидности, враждебности, вербальной агрессии и конфликтов и, наоборот, пониженный уровень конструктивного спора, конструктивного общения и навыков решения проблем². Комплексный подход, формирующийся из системной перспективы, привлекателен тем, что он позволяет лучше понять связь между насилием в отношении женщин и особыми стилями семейных процессов, в которые вовлечен ребенок³. Более того, она позволяет создать теоретическую основу для интеграции тех областей исследования, которые исторически были относительно разными - жестокое обращение с детьми, насилие в отношении женщин, супружеское взаимодействие, привязанность родителей к детям и стили воспитания.

Системное «лечение» домашнего насилия, которое обычно включает в себя терапию пар и семейную терапию, вызывает много споров. Критика касается, во-первых, того, что совместная ответственность за насилие – это хоть и частичное, но возложение вины на жертву, во-вторых, актуализируется проблема безопасности в совместных методах, когда насильник и жертва проходят терапию вместе. Пары, не подходящие для совместной терапии, обычно направляются в гендерно-специфические программы лечения. Результаты исследований, указывающие на проблемные и обедненные навыки общения в агрессивных парах, привели к разработке методов лечения, направленных на прекращение насилия путем повышения

¹ Lloyd, S.A. and B.C. Emery (1994). Physically Aggressive Conflict in Romantic Relationships. In D.D. Cahn (ed.), *Conflict in Personal Relationships*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, pp. 27-46.

² Babcock, J.C., J. Waltz, N.S. Jacobson and J.M. Gottman (1993). Power and Violence: The Relation Between Communication Patterns, Power Discrepancies, and Domestic Violence. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 61: 40-50.

³ Margolin, G., R.S. John, C.M. Ghosh and E.B. Gordis (1996). Family Interaction Process: An Essential Tool for Exploring Abusive Relations. In D.D. Cahn and S.A. Lloyd (eds.), *Family Violence from a Communication Perspective*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, pp. 37-58.

компетентности в навыках взаимоотношений. Ричард Хейман и Питер Нейдиг подробно описывают программу, которая возникла на основе этой теоретической перспективы¹. Терапия пар с физической агрессией – это групповая программа, целью которой является прекращение насилия в семьях, где пары хотят сохранить свои отношения. Как описано выше, кандидаты проходят отбор на основе тщательной индивидуальной оценки (т.е. проводится отдельно) каждого партнера. Первая половина четырнадцати занятий посвящена принятию ответственности за свое агрессивное поведение и навыкам управления гневом. Вторая половина занятий направлена на развитие навыков взаимоотношений для уменьшения конфликтов, которые могут привести к насилию.

Теория социального научения и гендерное насилие

Теория социального научения и социально-когнитивная теория А. Бандуры, обеспечивают концептуальную основу для предположения, что детский опыт в родительской семье способствует риску совершения насилия над собственной женой в зрелом возрасте. Другими словами, эта точка зрения постулирует причинно-следственную связь между двумя переменными, которые, как выяснилось, сильно коррелируют между собой у мужчин: подверженность насилию в семье происхождения и насилие по отношению к интимным партнерам во взрослой жизни. Теория постулирует, что мы наблюдаем за поведением значимых других, кодируем и впоследствии воспроизводим это поведение². В детстве и подростковом возрасте наблюдение за тем, как родители ведут себя по отношению друг к другу, обеспечивает самое раннее обучение вариантам поведения, которые впоследствии рассматриваются как приемлемые для этих отношений. Ребенок, выросший в домашней обстановке, где раздражение и гнев

¹ Heyman, R.E. and P.H. Neidig (1997). Physical Aggression Couples Treatment. In W.K. Halford and H.J. Markman (eds.), *Clinical Handbook of Marriage and Couples Interventions*. Chichester, England: John Wiley & Sons, Inc, pp. 589-617.

² Бандура А. Теория социального научения – СПб: ЕВРАЗИЯ, 2000. – 320 с.

проявлялись в агрессивном поведении, подвергается большему риску проявления такого же агрессивного поведения во взрослой жизни. Считается, что опыт агрессивного родительского поведения, отсутствие навыков конструктивного разрешения конфликтов способствуют формированию гендерно-насильственных поведенческих паттернов. Таким образом, с точки зрения теории социального научения, насилие рассматривается как выученное, усвоенное и закрепленное поведение.

А. Бандура предполагает, что круг агентов подобной социализации достаточно широк и выходит за рамки семьи происхождения. Он включает также культурное окружение, в котором живет семья, воздействие телевизионного, игрового и иного контента. Представление о том, что насилие в видеоиграх, мультфильмах или кино учит детей быть агрессивными, является спорным вопросом. Однако некоторые исследователи¹ приходят к выводу, что такая связь существует: она оказалась значимой даже при контроле других переменных, таких как уровень образования, агрессивное отношение и поведение родителей. В последнее время исследователи в этой области изучают возможность того, что воздействие насилия на телевидении и в видеоиграх носит опосредующий характер и не имеет прямой причинно-следственной связи с агрессивным поведением. Согласно теории социального научения, регулярно повторяющиеся сцены насилия в кино, в интернете и на телевидении приводят к притуплению его восприятия, что в сочетании с общей распространенностью насилия в обществе дает человеку оправдание для его применения.

Несмотря на значительное количество эмпирических исследований, подтверждающих передачу насилия от поколения к поколению, некоторые критики считают, что связи между свидетельством насилия со стороны родителей или пережитым жестоким обращением и последующим

¹ Eron, L.D., J.H. Gentry and P. Schlegel, eds. (1994). Reason to Hope: A Psychosocial Perspective on Violence and Youth. Washington DC: American Psychological Association.

агрессивным поведением по отношению к собственной супруге или детям уделяется слишком большое внимание. Представление о том, что пережитое в детстве насилие необратимо приведет к аналогичному поведению с собственными детьми или супругом, не подтверждается¹. Кроме того, некоторые авторы² отмечают, что во многих исследованиях не проводилось различия между пережитым в детстве жестоким обращением и свидетельством супружеского насилия, и лишь в немногих учитывалось и то, и другое. Кроме того, многие исследования в этой области, как правило, носят ретроспективный характер, используют клинические, а не общепопуляционные выборки.

Дж. Кауфман и Э. Зиглер³ провели обзор литературы, поддерживающей теорию трансфера насилия от поколения к поколению, и обнаружили, что данная ситуация характерна максимум для 30% семей. Свидетельство супружеского насилия в родной семье само по себе не объясняет значительную часть гендерно-насильственных паттернов. Не все мужчины, пережившие жестокое обращение в детстве, в дальнейшем становятся насильниками, и, наоборот, не у всех насильников было жестокое детство. Дж. Кауфман и Э. Зиглер предположили, что вероятность передачи насилия из поколения в поколение ниже, если ребенок имел любовь и поддержку одного из своих родителей; имел опыт поддерживающих отношений в зрелом возрасте, признавал свой прошлый опыт насилия и был настроен не повторять его.

Феминистский подход

¹ См. напр. Dumas, D., G. Margolin and R.S. John (1994). The Intergenerational Transmission of Aggression Across Three Generations. *Journal of Family Violence*, 9: 157-175.

² Langhinrichsen-Rohling, J., P. Neidig and G. Thorn (1995). Violent Marriages: Gender Differences in Levels of Current Violence and Past Abuse. *Journal of Family Violence*, 10: 159-176.

³ Kaufman, J. and E. Zigler (1987). Do Abused Children Become Abusive Parents? *American Journal of Orthopsychiatry*, 57: 186-192.

Феминизм включает в себя целый спектр зачастую противоречивых теоретических подходов к гендерному насилию. Однако, несмотря на разнообразие и внутренние противоречия, феминизм придерживается некоторых базовых постулатов о положении мужчин и женщин в обществе¹. Все, кто придерживается феминистской точки зрения, принимают фундаментальный постулат движения: общество построено на патриархате, в котором мужчины занимают привилегированное положение благодаря своему господству над женщинами во всех сферах социального функционирования. Женщины находятся в относительно невыгодном положении в социальной системе, которая обеспечивает и закрепляет их подчиненное положение со стороны мужчин в преимущественно мужских институтах. Феминистки обращаются к историческим корням этого неравенства, чтобы объяснить глубоко гендерное разделение власти в современном обществе². Законы, касающиеся собственности и наследования, развода и опеки над детьми традиционно укрепляли мужские привилегии. Патриархат рассматривается как фундаментальный элемент социальной системы, оказывающий влияние на формирование и поддержание всех основных институтов современного общества, начиная с правовой системы, здравоохранения и образования на макроуровне и заканчивая нуклеарной семьей на микроуровне. Феминистки утверждают, что наш язык, наша база знаний и наше определение социальных проблем построены в рамках патриархальной парадигмы. Таким образом, то, чему придают значение, а чему нет, фильтруется через призму мужских привилегий³. В конце 1960-х и начале 1970-х годов феминистские активистки и адвокаты начали выступать от имени жертв гендерного насилия. Их усилия позволили опровергнуть сложившееся мнение о том, что жестокое обращение с женщинами

¹ Renzetti, C.M. (1994). On Dancing with a Bear: Reflections on Some of the Current Debates Among Domestic Violence Theorists. *Violence and Victims*, 9(2): 195-200.

² Yllö, K.A. (1993). Through a feminist lens: Gender, Power, and Violence. In R.J. Gelles and D.R. Loseke (eds.), *Current Controversies on Family Violence*. Newbury Park, CA: Sage Publications, pp. 47-62.

³ Olson, L.C. (1997). On the Margins of Rhetoric: Audre Lorde Transforming Silence into Language and Action. *Quarterly Journal of Speech*, 83: 49-70.

встречается редко, а когда оно все же происходит в контексте брака или сожительства, то объясняется психопатологическими чертами участников. Даже на фоне сообщений о фактах чудовищного насилия, общественное мнение склонялось к идее, что проблема кроется в динамике пары – союза садиста и мазохиста. Даже те, кто подозревал, что женщины не получают удовольствия от виктимизации, о которой они сообщают, игнорировались в угоду патриархальному консерватизму.

Активность феминистского движения позволила нарушить этот «заговор молчания» и довести проблему гендерного насилия до общественного сознания. Вскоре стал очевиден недостаток кризисных центров и убежищ, в которые могли бы обратиться пострадавшие; создание сети подобных учреждений стало следующим шагом в развитии феминистского движения. Далее, в сферу их внимания попали субъекты гендерно-насильственного поведения, для которых начали разрабатываться специальные социально-терапевтические программы. Параллельно шли попытки добиться изменений в системе уголовного и административного законодательства в части установления ответственности за насильственное поведение в отношении женщин и детей. Неотъемлемым элементом их работы является также развенчивание мифов и стереотипов относительно гендерного насилия как такового, относительно роли жертв в системе насильственных поведенческих паттернов, а также просвещение и информирование относительно структур, оказывающих помощь, находящихся в непосредственной близости от места проживания потенциальной жертвы.

В результате работы по защите женщин, подвергшихся насилию, в рамках феминистского подхода возникли две объяснительные модели гендерного насилия: теория цикла насилия и колесо власти и контроля. Цикл насилия содержит три фазы, которые характеризуют большинство случаев насилия: период создания напряжения, острый инцидент избиения и период

любящего раскаяния или разрядки¹. Некоторые консультанты феминистского толка выражают озабоченность по поводу использования понятия «цикл», поскольку это может быть истолковано, как вовлечение женщин в виктимизацию и как предположение, что женщины имеют определенную возможность контроля над жестоким поведением своих партнеров. Возможно, наиболее проблематичным аспектом цикла для многих является концепция «выученной беспомощности», которая, как утверждается, возникает из неспособности женщины предсказать результаты поведения партнера, основываясь на ее собственных действиях и реакциях². Это не следует рассматривать как врожденную беспомощность или слабость жертвы. Психотерапевты, работающие с женщинами, подвергшимися насилию, выступают за то, чтобы эти обусловленные развитием чувства беспомощности были устранены, а целью терапии было расширение возможностей³. Однако вторая объяснительная модель, колесо власти и контроля, стала наиболее часто используемой моделью для работы как с мужчинами, так и с женщинами. Суть ее заключается в возможности использовать разные виды насилия, прибегая к физическому лишь в самых крайних случаях.

Гендерное насилие в семье в отечественных исследованиях

Насилие в семье, российский социолог Родина И.В. определяет, как «... феномен конкретно-исторический, зависящий от особенностей моральной парадигмы того общества, в котором он проявляется. Родственно-семейное насилие считалось допустимым до определенного исторического периода

¹ Walker, L.E.A. (1984). *The Battered Woman Syndrome*. New York, NY: Springer; Walker, L.E.A. (1993). *The Battered Woman Syndrome as a Psychological Consequence of Abuse*. In R.J. Gelles and D.R. Loseke (eds.), *Current Controversies on Family Violence*. Newbury Park, CA: Sage Publications, pp. 133-153.

² Walker, L.E.A. (1993). *The Battered Woman Syndrome as a Psychological Consequence of Abuse*. In R.J. Gelles and D.R. Loseke (eds.), *Current Controversies on Family Violence*. Newbury Park, CA: Sage Publications, pp. 133-153.

³ Hattendorf, J. and T.R. Tollerud (1997). *Domestic Violence: Counselling Strategies that Minimize the Impact of Secondary Victimization*. *Perspectives in Psychiatric Care*, 33: 14-23.

общественного развития, поскольку семья обладала специфическими контрольно-карательными функциями, признаваемыми обществом»¹

Е. Р. Ярская-Смирнова пишет: «... в качестве отличительной особенности семейного насилия в отношении женщин выделяет наличие паттерна. Указывая на опасность, которую представляет собой насилие в семье, и масштабы его воздействия, ученый отмечает, что даже если насильственные действия направлены только против одного человека, то все остальные члены семьи оказываются подвержены «вторичной виктимизации»².

Исследуя насилие в семье И.В. Сошниковой, обращает внимание на ряд уровней, которые выделены по степени причиняемого ущерба:

«1) «Семейное насилие», которое определяется традиционными представлениями о семейной жизни, «благими намерениями», т.к. человек считает себя обязанным сохранить их в современной жизни привычными средствами подчинения себе других. 2) «Семейная жестокость», для которой характерно: а) сознательное применение силовых (властно-силовых) способов решения любых конфликтов; б) нанесение физического ущерба члену (членам) семьи; в) ограничение их свободы. Движущим фактором выступает утверждение одним из членов малой группы своей власти, семейного статуса. 3) Насильственная преступность, грубо посягающая на жизнь и здоровье члена семьи; пресекается с помощью норм уголовного права»³.

Автор разделяет позицию И.В. Сошниковой относительно того, что агрессивность является продуктом социальной среды и недостатков семейного воспитания, в основе агрессии со стороны насильника могут быть генетические истоки.

¹ Родина И.В. Социальная проблематизация насилия в семье. Автореферат диссертации на соискание ученой степени ~~доктора социологических наук~~. Специальность 22.00.04 - социальная структура, социальные институты и процессы. Москва, РГСУ, 2007 г.

² Ростовская Т.К., Калиев Т.Б., Завьялова Н.Б., Безвербный В.А. Профилактика насилия как фактор безопасности семьи: российский и казахстанский опыт. Женщина в российском обществе. 2018. № 1(86). С. 78-88. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.7

³ Сошникова И.В. Насилие в семье в современной России: социологический анализ Специальность 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процесс. ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького». Екатеринбург, 2011.

Т.К. Ростовская, рассматривая насилие как наиболее острую социальную проблему, отмечает деструктивное влияние семейного насилия на институт семьи, который является «...одним из базовых социальных институтов, благополучие и социальное самочувствие ее членов напрямую взаимосвязаны с общественным благополучием. Поэтому обеспечение здорового климата в семье, предотвращение любых проявлений агрессии и жестокости со стороны ее членов крайне важны. Меры, направленные на профилактику домашнего насилия, влияют на социальную безопасность жизнедеятельности семьи, которая неотделима от национальной безопасности»¹.

Следует также обратить внимание на широкий спектр последствий для здоровья. Насильственные действия в семье могут привести «...не только к ранениям, инвалидности, смерти, но и к многочисленным проблемам, включая сферы психологического и репродуктивного здоровья. Жестокое обращение по отношению к партнеру часто сопровождается страхом и контролем поведения, поэтому не удивительно, что женщины в этих отношениях имеют проблемы в сфере репродуктивного здоровья. Высокие показатели неблагоприятной репродуктивной функции могут быть объяснены прямыми последствиями сексуального насилия, принуждения и т.д.»².

Насилие в семье принимает множество форм. Виды домашнего насилия включают физическое, словесное (также называемое эмоциональным, психическим или психологическим насилием), сексуализированное, экономическое/финансово. Сталкинг и киберсталкинг также определяется, как форма насилия со стороны партнера, кроме того, получает все большее распространение в последнее десятилетие.

¹ Ростовская Т.К., Калиев Т.Б., Завьялова Н.Б., Безвербный В.А. Профилактика насилия как фактор безопасности семьи: российский и казахстанский опыт. Женщина в российском обществе. 2018. № 1(86). С. 78-88. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.7

² Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Семейное насилие как фактор риска для репродуктивного здоровья женщины. Здоровье как ресурс: V. 2.0 / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2019. – 908 с. С. 730-735.

«Помимо физического, психологического, сексуального, экономического форм насилия, существует также иные виды насилия в семье: Т.К. Ростовская рассматривает социально-экономический контроль, как одну из форм семейного насилия, под которым понимается не только материальное угнетение, но и контроль за личным пространством одного из супругов, запрет в социализации, подавление личных интересов. Кроме того, вслед за низким уровнем коммуникативной компетенции женщина-жертва семейного насилия привыкает к грубому вербальному общению в семье»¹. Еще одним социальным структурным аспектом является социально-экономическое неравенство между семьями. Сторонники данного подхода утверждают, что социальный стресс тесно связан с насилием. Исследования показывают, что негативные стрессоры, в частности те, которые угрожают целостности традиционной роли мужчины, приводят к увеличению вероятности супружеского насилия^{2 3}.

Мужчины, имеющие более низкие доходы, меньшую социальную поддержку и находящиеся в зависимости (алкогольной, наркотической и проч.), могут оказаться в группе повышенного риска стать уязвимыми для реакций, которые носят насильственный характер, то есть могут быть как агрессорами, так и жертвами насилия в семейных отношениях. Кроме того, исследования в области мужской самоидентификации и неблагоприятного воздействия более низкого экономического и трудового статуса, показали, что именно низкий экономическое положение приводит к более высокому уровню насилия в семье⁴.

Семейное неравенство на основе гендерной дискриминации является ключевым компонентом в области насилия в семье, поскольку многие

¹ Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Семейное насилие как фактор риска для репродуктивного здоровья женщины. Здоровье как ресурс: V. 2.0 / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2019. – 908 с. С. 730-735.

² Gelles RJ (1989) Child abuse and violence in single-parent families: parent absence and economic deprivation. See comment in PubMed Commons below Am J Orthopsychiatry 59: 492-501.

³ Steinmetz S (1987) Family violence: Past, present, and future. Sussman M, Steinmetz S (Ed) Handbook of marriage and the family. New York: Plenum.

⁴ Pickett K, Wilkinson R (2010) The spirit level: Why greater equality makes societies stronger, Bloomsbury Publishing, USA.

партнеры-мужчины претендуют на право быть главой семьи, включая способность иметь последнее слово в семейных и личных вопросах, то есть патриархальная модель общества направлена на сохранение роли женщины как подчиненной, при помощи процесса социализации, при котором с раннего детства родителями подчеркивается мужская роль доминирования¹.

Далее, многочисленные результаты исследований свидетельствуют о том, что чем глубже семья интегрирована в сообщество, тем меньше вероятность возникновения насильственного поведения. Что касается экономических благ², то, по-видимому, по сравнению со своими более высокими социально-экономическими коллегами мужчины с более низким социально-экономическим статусом чаще становятся агрессорами в семье³.

Таким образом, «...под семейным насилием следует понимать агрессивные действия, в результате которых объекту насилия (члену семьи) могут быть нанесены физические увечья и/или психологические травмы. Такие действия могут представлять собой физическое и сексуальное насилие, порчу личного имущества и неудовлетворение базовых потребностей»⁴.

Итак, насилие в семье является серьезной проблемой общественного здравоохранения, приводящая к физическим и эмоциональным травмам и даже смерти. Насилие между мужчинами и женщинами на сегодняшний день является наиболее распространенной формой насилия в семье, при этом миф о том, что насилие в отношении мужчин не происходит, неверен.

¹ Cribb J, Barnett R (1999) Being bashed: Western Samoan women's responses to domestic violence in Western Samoa and New Zealand. *Gender, Place and Culture: A Journal of Feminist Geography* 6: 49-65.

² Milner J, Chilamkurti C (1991) Physical child abuse perpetrator characteristics: A review of the literature. *Journal of Interpersonal Violence* 6: 345-366.

³ Herrnstein RJ, Murray C (2010) *Bell curve: Intelligence and class structure in American life*. Simon and Schuster

⁴ Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Декриминализация семейного насилия: проблемные аспекты. Социальная среда и социальная политика: новые подходы и инновационные технологии. Серия «Демография. Социология. Экономика». Том 5, № 5 / Под редакцией чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., д.с.н., Ростовской Т.К., д.и.н., Саралиевой З.Х. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. – 255 с., С.177-184. ISBN 978-5-907233-03-4.

1.2. Проблема насилия в семье в зеркале гендерного и экономического подхода

Проблематика насилия изучается достаточно широко, поднимаются такие вопросы как формы насильственного поведения (физическое, психологическое), злоупотребление властью (доминирование и подчинение), механизмы защиты и оптимизация нормативной базы, регулирующей ответственность за насильственные действия, неравенство и ролевые установки в ситуации насилия и т.д. Тем не менее можно констатировать, что в недостаточно исследований посвящено поиску и анализу факторов насильственного поведения. Большим теоретическим потенциалом для исследования насилия обладают теории конфликта, социального обмена, структурных социальных факторов и др., однако, с нашей точки зрения, можно выявить факторы и условия, опираясь на гендерный подход, так как насилие чаще всего проявляется в отношениях между мужчинами и женщинами.

Для разных сообществ типичны разные практики, именно поэтому необходимо, во-первых, учитывать социокультурные факторы, лежащие в основе идентификации действий как насильственных. Во-вторых, исследовать гендерные стереотипы как фактор межличностных отношений.

Для разных типов семей (например, патриархальная, матриархальная, партнерская) характерны специфические гендерные роли, определяющие микроклимат семьи и вписанные в культурную матрицу социума. Влияние гендерных ролей на семейные взаимоотношения, брачное поведение, распределение в семье домашней работы, родительство, экономические функции супругов, воспитание и социализацию детей не вызывает сомнений. Важные вопросы – как гендерные роли влияют на благополучие семьи, стабильность брака? Гипотетически гибкость гендерных ролей является условием противодействия насилию в семье, формированию сбалансированных взаимоотношений. Напротив, жесткое закрепление гендерных ролей, деление семейных обязанностей на «женские и мужские»,

является основой конфликтного поведения, насилия и неудовлетворенности браком.

Гендерное насилие – это результат влияния комплекса факторов как внутренних, обусловленных личными характеристиками субъекта, так и внешними, так, например, неблагоприятная экономическая ситуация, потеря работы одним из супругов могут приводить к насилию.

Гендерное насилие рассматривается нами как важная проблема общественного здравоохранения и является одним из основных факторов риска уязвимости женщин в области охраны здоровья, главным образом репродуктивного и психологического здоровья.

«Гендерное насилие может повлиять на любого человека независимо от расы, религии, территории проживания, социально-экономического положения, или гендерной идентичности. Хотя женщины подвергаются наибольшему риску и в наибольшей степени страдают от насилия, но и мужчины также подвергаются гендерному насилию. Оно может иметь серьезные физические, экономические и социальные последствия. Например, сексуальное насилие может привести к нежелательной беременности, небезопасным абортам, заболеваниям, передающимся половым путем, а также изоляции и депрессии. Это также может помешать пострадавшим от насилия достичь экономического процветания из-за физической или психологической травмы»¹. Следует согласиться с Т.К. Ростовской, которая отмечает: «Насилие является одной из наиболее острых социальных проблем, поскольку оно не только отражается непосредственно на самих жертвах, но и дестабилизирует общество в целом, несет угрозу социальному порядку»².

Существует множество подходов к исследованию гендерного насилия, что обусловлено социально-экономической нестабильностью в мире.

¹ Ростовская Т. К., Н. А. Безвербная. Насилие в отношении женщин: мировые тенденции // Женщина в российском обществе 2020. № 2. С. 89-98 DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.

² Ростовская Т.К., Калиев Т.Б., Завьялова Н.Б., Безвербный В.А. Профилактика насилия как фактор безопасности семьи: российский и казахстанский опыт // Женщина в российском обществе. 2018. № 1(86). С. 78-88. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.7

Показательно, что гендерное насилие встречается как в неблагополучных слоях социума, так и в семьях с хорошим материальным положением, в супружеских парах любого возраста, в любой стране независимо от этноса, социального положения супругов. Проблема гендерного насилия недостаточно эффективно регулируется, что обусловлено несколькими причинами, во-первых, закрытостью семей от внешнего вмешательства, однобоким подходом к гендерному насилию как психологической проблеме, во-вторых, недостаточным регулированием проблемы в социальной сфере на государственном уровне.

Отметим, что в 60-е гг. XX в. исследования, посвященные семейному насилию, рассматривали проблему односторонне – женщины как жертвы семейного насилия, ситуация изменилась в 90-е гг. XX в.

Дворкин А., Добаш Р.П., Добаш Р.Е., Йолло К., Рассел Д., Уолкер Л. и др. ученые заявляют о половой асимметрии в совершении насильственных действий. Эта идея подтверждается среднестатистическими данными, на основе которых можно утверждать, что в большем количестве случаев мужчины являются агрессорами, а женщины становятся жертвами домашнего насилия. Теоретическая классификация позволяет определить данную группу авторов как представителей феминистически ориентированного подхода (*feminist perspective*).

Иной позиции придерживаются Крахе Б., Миллс Л., Страус М., Фиберт М., Хайнц Д. и др. – мужчины и женщины в равной степени склонны к насилию (*family violence perspective*)¹. Важно, что в этом случае интерпретировать насилие только в рамках брачных отношений недостаточно, так как насилие ярко проявляется и в отношениях между родителями и детьми – когда дети маленькие или, когда родители пожилые. В этом случае речь исследователи заявляют о половой симметрии насилия.

¹ Straus M.A. State-to-state differences in social inequality, and social bonds in relation to assaults on wives in the United States / M.A. Straus // *Journal of comparative family studies*. – 1994. – № 25 (1). – P. 7–24.

В 1993 г. С. Бен-Дэвид получил данные, позволяющие утверждать, что женщины в некоторых случаях являются инициаторами насилия¹. Женщины более эмоциональны, чем мужчины, но и женщины и мужчины под влиянием сильных неконтролируемых эмоций (депрессия, отчаяние, тревога, злость, ревность, напряжение, беспомощность и т.д.) в одинаковой степени провоцируют насилие, что характерно, не только в семейной жизни. Концепция С. Бен-Дэвида основана на интерпретации трехфакторной модели (стимулы – поведенческие факторы – ситуационные факторы). Рассмотрим подробно как каждый из факторов влияет на поведение женщин.

«Угроза потери целостности семьи» как стимул агрессивного поведения женщин, если семья является базовой ценностью женщины². Семья как базовая ценность и основная потребность – это установки, формируемые родителями сознательно в процессе социализации девочек. В этом случае сохранение семьи становится основной задачей женщины, для достижения которой возможно применение насилия как формы защиты от разрушения. Первоначально девочкам не свойственна агрессия, но установки и практики родителей, если они используют агрессивные модели поведения воспроизводятся ими в последующем, т.е. реализуется поведенческий фактор. Ситуационный фактор проявляется в зависимости от обстоятельств, например, в период, который требует самозащиты, либо воспроизводится в агрессивных формах воспитания детей. Насильственные практики, принятые в семье, могут воспроизводиться во внесемейных отношениях, во внешней среде.

В 1995 г. Джонсон М. предложил классифицировать насилие в семье: *common couple violence* – типичное насилие (легкие формы насилия, часто встречаются в семье, инициаторами выступают оба партнера) и *patriarchal*

¹ Ben-David S. The Two Facets of Female Violence: The Public and the Domestic Domains. *Journal of Family Violence*. 1993. Vol. 8, No. 2. P. 345-359

² Лысова А.В. Женская агрессия и насилие в семье // *Общественные науки и современность*, № 3, 2008, С. 167-176.

terrorism – патриархальный терроризм (жестокие формы насилия, преимущественно совершаемые мужчинами по отношению к женщинам)¹.

С. Стайнметц анализирует «синдром избиваемого мужа» и приходит к выводу, что насилие женщин над мужчинами не вызывают сочувствия, а наоборот высмеивается². Целенаправленно причины, лежащие в основе женского насилия, ищут М. Страус и Р. Геллес³. Их исследование позволило обозначить параметры противоправных действий женщин в семье, которые легли в основу обоснования профилактических мероприятий по снижению уровня семейного насилия.

«Гендерное насилие» – понятие многоаспектное, поэтому основная задача – дать определение термину с учетом социокультурной составляющей, конкретизировать содержание понятия «гендерное насилие», учитывая знания, накопленные с конца XX в., сформулировать наиболее полное определение, включающее субъект и объект насилия, а также классификацию типичных позиций между женщинами и мужчинами (социобиологических, социокультурных и иных), приводящих к насилию. А также «...провести грань между понятием «гендерное насилие» и такими понятиями как «агрессия», «конфликт», «деструктивное поведение», «девиантное поведение», «преступление», учитывающее гендер как определяющий фактор, позволяющее выявить дискриминацию по признаку пола и др.»⁴.

Гендерное насилие необходимо операционализировать, найти индикаторы для измерения, и, используя разные методы исследования (опросы, наблюдения и т.д.), разработать социальные технологии, способные

¹ Johnson M.P. Patriarchal Terrorism and Common Couple Violence: Two Forms of Violence Against Women. *Journal of Marriage and the Family*. 1995. Vol. 57, No. 2. P. 283-294.

² Steinmetz K. S. The Battered Husband Syndrome. *Victimology*. 1977-1978. No. 3–4. P. 499-509.

³ Gelles R.J., Straus M.A. Determinants of Violence in the Family: Toward a Theoretical Integration. In: Burr, W.R., Hill, R., Nye, F.I. and R.I.L., Eds., *Contemporary Theories about the Family*, Free Press, New York, 1979. P. 550-581.

⁴ Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Теоретические подходы к изучению гендерного насилия. Национальные демографические приоритеты: подходы и меры реализации. Серия «Демография. Социология. Экономика». Том 5. № 4 / Под редакцией чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., Ростовской Т.К. –М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. С. 306-311.

создать в социуме условия противодействия насильственным практикам, помимо уже зарекомендовавших себя технологий просвещения и профилактики. Важно определить воспринимается ли в конкретном социуме насилие как патология (культурная или социальная) или как норма («бьет, значит любит»), как извращение и отклонение от нормы или как общепринятая практика взаимоотношений между лицами разных полов.

Гендерное насилие как сложный феномен современной жизни требует не только анализа на основании множества подходов, но и разработки понятийного аппарата, так как ясная система позволяет сопоставлять результаты исследований, сравнивать выводы и формулировать обоснованные рекомендации. А также ответить на следующие вопросы: какие традиции лежат в основе взаимодействия мужчин и женщин; какие стереотипы сформированы о семейных ролях; как воспринимаются акторами патриархальные, направленные на подчинение женщины, установки; под воздействием каких факторов формируются гендерная идентификация и самоидентификация, представления о гендерных ролях; какие системы воспитания приняты в социуме; как интериоризируются религиозные нормы поведения; какие типы насилия (физическое или психологическое, информационное или вербальное) чаще проявляются; какие социокультурные факторы лежат в основе распространения насилия; что позволит лучше понять социально-исторические корни насилия; повышается ли уровень насилия при обострении социально-политической ли социально-экономической ситуации; какие события становятся причиной всплеска гендерного насилия в обществе; почему многие меры не эффективны, а насилие становится устойчивой формой поведения; какие механизмы можно назвать эффективными для снижения гендерного насилия?

Принимая во внимание факт, что существуют два подхода к исследованию гендерного насилия: инициатор – мужчины и инициатор – женщина, конкретизируем, что будем рассматривать насилие главным образом направлением против женщин. В частности, такой акцент делают в

своих исследованиях Бахман Р. и Зальцман Л.¹. Первопричиной насилия они видят установки на патриархальные отношения, где традиционно женщина дискриминируется по половому признаку, а такое положение вещей не противоречит нормам общества. Традиционно ценности и обычаи усиливают мужские привилегии, а насилие над женщинами рассматривается как «приемлемая» стратегия доминирования. Рассматривая деятельность общественных движений, которые поддерживают женщин, подвергшихся физическому насилию, исследователи осуществляют поиск социальных фактов, которые приведут к социальным изменениям, будет достигнута цель данных социальных организаций – добиться политических и социальных перемен для прекращения насилия мужчинами в отношении женщин.

Другая позиция, высказанная в том числе членом департамента общественной и семейной медицины, профессором медицинского колледжа штата Висконсин, США, Кевином Хамбергером, заключается в том, что и мужчины и женщины наносят травмы, вызывают страх, терроризируют своих партнеров², следовательно, женщины как и мужчины, не только инициируют насилие, но и эффективно его применяют.

Соотнося данные мнения с настоящим исследованием, можно утверждать, что насилие в молодой семье одинаково возможно как мужем в отношении жены, так и наоборот.

На основе гендерной теории можно оценить влияние на формирование насилия таких феноменов как:³

- статусная несовместимость;
- доминирующие гендерные конструкции, например, женственность (роль, которая препятствует женщинам использовать насилие как средство получения власти в отношениях);
- отсутствие дохода;

¹ Bachman R., Salzman L.E. Violence against women: Estimates from the redesigned survey. 1996. P. 1-8.

² Hamberger L.K. Female Offenders in Domestic Violence: A Look at Actions in Their Context. Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma, 1997, 1, 115-127.

– образовательный статус.

Отдельно можно рассмотреть случаи, когда женщины применяют насилие в отношении партнеров-мужчин в качестве формы самозащиты, так как не имеют ресурсов покинуть насильственные отношения. Или, когда мужчины используют насилие как средство реализации мужественности.

Феминистские представления о гендере и власти хорошая база исследования и выявления причинно-следственных связей, лежащих в основе формирования семейного насилия, позволяют описать социокультурные условия, которые поддерживают доминирование мужчин над женщинами, за счет ресурсов, в том числе экономических, таких как более высокий доход мужчин по сравнению с женщинами.

Таким образом, гендерный подход к изучению семейного насилия в силу интереса к распределению семейных ролей и ресурсов, теснейшим образом связан с социально-экономическими концепциями, оперирующими такими категориями, как «кооперативные» и «некооперативные» семейные отношения, оценивающими их в терминах полезности для обоих супругов. Особый интерес вызывает также возможность использования инструментов математического моделирования при анализе этих отношений и прогнозов их развития. Пионером исследования экономических основ гендерного насилия можно считать Гэри Беккера¹.

Однако ограниченность экономического взгляда на семью была обусловлена тем, что в его рамках семьи традиционно исследовались как кооперативные коммуникативные и экономические системы, в которых господствовал альтруизм и взаимовыручка, в которых оба супруга распределяют блага и время для удовлетворения общего набора семейных предпочтений. Но уже на рубеже 70-х и 80-х гг. XX в. Мансер и Браун² и

¹ Becker, G. S. A Theory of the Allocation of Time, *Economic Journal*. 1965, 75: 493-519; Becker, G. S. (1973) "A Theory of Marriage: Part I," *Journal of Political Economy*, 81, 4: 813-846 pp.

² Manser M. and Brown, M. (1979) "Bargaining Analysis of Household Decisions," in C. B. Lloyd, E. S. Andrews, and C. L. Gilroy, (eds.) *Women in the Labor Force*, New York: Columbia University Press

Макэлрой и Хорни¹, рассматривают каждого супруга как независимую внутрисемейную единицу с различными предпочтениями, чьей основной задачей становится достижение полезности совместного проживания с учетом предпочтений обоих супругов. Решение жить совместно должно обеспечить каждому из супругов уровень полезности, по крайней мере, не меньший, чем тот, который может быть достигнут вне брака. Эта модель «кооперативного торга» обеспечивает начальную основу для модели брака, которая уже не является полностью альтруистической по своей природе. Семьи, в которых практикуется насилие, являются примерами некооперативных взаимодействий, для адекватного описания поведения которых должны быть положены социальные и экономические детерминанты.

В модели Таухена, Витте и Лонг² мужчина наказывает женщину насилием за поведение, которое он не одобряет, а женщина корректирует свое поведение в попытке минимизировать это насилие. При этом, женщины, чья зависимость от брака высока, как правило, испытывают больше физического насилия со стороны своих мужей, чем женщины, чья зависимость низка. Зависимые жены имеют меньше рычагов для изменения поведения мужа и, следовательно, вынуждены терпеть больше физического насилия.

Ключевой переменной, оказывающей влияние на количество поведенческих актов, определяемых как насилие, является уровень дохода каждого из супругов. Во всех домохозяйствах рост дохода женщины снижает уровень насилия по отношению к ней, в то время как рост дохода мужа приводит к обратному эффекту. Если мужчина или женщина извлекают пользу из счастья супруга, это учитывается в собственной оптимизационной задаче обоих: мужчина максимизирует свою полезность, выбирая объемы

¹ McElroy, M. and Horney, J. (1981) "Nash-Bargained Household Decisions: Toward a Generalization of the Theory of Demand," *International Economic Review*, 22, 2: 333-349

² Tauchen, H. V, Witte, A. D. and Long, S. K. (1991) «Domestic Violence: A Nonrandom Affair», *International Economic Review* 32, 2: 491-511.

поддержки и практикуемого насилия. Женщина, в свою очередь, определяет уровень насилия, который она согласна терпеть от мужчины при имеющемся уровне финансовой поддержки и иных форм полезности. По мере роста ее дохода (и потребления) предельная полезность, которую она получает от дополнительной единицы потребления, снижается; следовательно, способность мужчины «купить» у нее право на дополнительное насилие снижается, и его уровень падает. Таким образом, рост дохода женщины увеличивает вероятность того, что она разорвет отношения: все, что повышает самостоятельность женщины вне брака, увеличивает вероятность ее ухода и, следовательно, снижает уровень насилия, если она останется.

Влияние дохода мужа на уровень насилия также представляет интерес. Оно является положительным для пар с низким и средним доходом, отрицательным для групп с высоким доходом, в которых большая часть дохода принадлежит мужчине, и незначительным для групп с высоким доходом, в которых большая часть дохода принадлежит женщине. Если мужчина работает за зарплату по основному месту работы, то уровень насилия значительно снижается. Однако увеличение дохода, не связанного с оплатой труда, значительно повышает уровень насилия.

Другая группа факторов, определяющих уровень супружеского насилия по отношению к женщинам, относится к внешним переменным. Отмечается, что уровень насилия в семьях, которые удается сохранить, снижается по мере ужесточения семейного законодательства в части постбрачных обязательств супруга по отношению к бывшей жене и детям, активизации деятельности социально ориентированных НКО, распространения кризисных центров. Причем, для достижения этого эффекта совсем необязательно пользоваться этими услугами: сам факт наличия такой возможности действует весьма благотворно. Пребывание в кризисном центре, как правило, также имеет очевидный благоприятный эффект. Объяснение этого факта не представляет трудности. Всевозможные формы семейной поддержки, помощи со стороны институтов гражданского

общества, территориальных сообществ расширяют женский список поведенческих альтернатив в случае насилия, опускает субъективную планку его приемлемости. Это важно знать при планировании мер социальной защиты женщин от супружеского насилия.

Значимым фактором, определяющим готовность к разрыву некооперативных супружеских отношений, является то, что можно обозначить как «семейный капитал» – совокупность выгод, недоступных вне брака и способных значительно поднять порог приемлемости насильственного поведения. Дети являются одним из примеров супружеского капитала, поскольку пребывание в отношениях или уход из них влияют на их благосостояние. Однако влияние детей на уровень насилия может быть как положительным, так и отрицательным. Если женщина считает, что ее детям будет лучше в полной семье, они увеличат ее супружескую полезность, что приведет к росту насилия. Однако если женщина считает, что насилие негативно влияет на детей, ее супружеская полезность упадет и насилие снизится. В качестве детерминант супружеского насилия необходимо рассматривать так же общее количество детей и количество детей младше шести лет. Результаты показывают, что общее количество детей положительно влияет на уровень насилия, в то время как количество маленьких детей имеет значительный отрицательный эффект. Женщины могут считать, что опыт насилия в доме может иметь серьезные последствия для маленьких детей, или они могут опасаться за их безопасность. Однако наличие старших детей, по-видимому, повышает полезность брака по сравнению с возможными угрозами, то есть, женщины видят больше преимуществ в сохранении брака для своих детей, если они старше шести лет. Это может быть связано с их возросшими финансовыми потребностями, большей привязанностью к отцу или с тем, что мать считает менее вероятным причинение вреда себе и им.

Наконец, последними переменными, оказывающими влияние на возможный уровень насилия, являются продолжительность отношений и

факт их официальной регистрации. Чем дольше пара была вместе, тем больше физический и эмоциональный супружеский капитал. Кроме того, если пара состоит в зарегистрированном браке, то, скорее всего, супружеский капитал будет больше. Так или иначе, любая переменная, увеличивающая связь женщины с ее отношениями, повышает уровень насилия.

1.3. Сравнительный анализ гендерного насилия в различных странах

Понимание российской специфики проявления гендерного насилия возможно в результате его сравнительного анализа.

Очевидной спецификой гендерно-насильственных действий в нашей стране является его экономическая и социально-психологическая обусловленность и направленность. Это заметно отличает его от проявлений в других странах, особенно с иным культурными универсалиями, обуславливающих существование разнообразных форм насилия, которое является традицией в определенных обществах. Среди таковых – ранние браки в некоторых общинах США, изнасилования в Южной Африке и других странах мира, торговля людьми в Индии, сексуальное насилие в Демократической Республике Конго, убийство женщин в Гватемале, калечение женщин в Нигерии, так называемые убийства чести в Ираке или Пакистане. Таким образом, гендерное насилие, является частью континуума насилия и влияет на гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права затрагиваемых лиц»¹.

Во всем мире гендерное насилие остается самой частой причиной заболеваемости и смертности среди женщин «... в возрасте 15-49 лет, унося больше жизней, чем рак, малярия, дорожно-транспортные происшествия и война вместе взятые»². С 1990-х гг. вопросы охраны здоровья женщин стали привлекать особое внимание в мировой повестке общественного здравоохранения, и в 1993 году после публикации декларации Организации Объединенных Наций о ликвидации насилия в отношении женщин в центре внимания оказалось гендерное насилие. Например, в Ливане вероятность совершения физического насилия более чем в три раза выше среди мужчин, которые были свидетелями того, как их отцы избивали своих матерей в

¹ Ростовская Т. К., Безвербная Н. А. Насилие в отношении женщин: мировые тенденции. Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 89-98 DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.8

² United Nations Economic and Social Affairs (2015). The World's Women 2015, Trends and Statistics, p. 159. (14). United Nations Statistics Division Violence against Women data portal (unstats.un.org/unsd/gender/vaw/index.html) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://unstats.un.org/unsd/gender/vaw/> (date of access: 10.01.2020)

детстве, чем среди тех, кто этого не делал¹. 23% студенток университетов сообщили, «...что в ходе обследования в 27 университетах Соединенных Штатов в 2015 году имели место случаи сексуального насилия или сексуального домогательства. В ходе сравнительного исследования, проведенного на Ближнем Востоке и в Северной Африке, от 40% до 60% женщин заявили, что они когда-либо сталкивались с уличными сексуальными домогательствами (в основном с комментариями оскорбляющего характера и преследованиями), а от 31% до 64% мужчин заявили, что они когда-либо совершали такие акты»². Результаты национального австралийского обследования показывают, что почти две из пяти женщин (39%) в возрасте 15 лет и старше, которые работали в течение последних пяти лет, подвергались сексуальным домогательствам на рабочем месте в течение этого периода, по сравнению с одним из четырех (26%) мужчин.

«Данные национального репрезентативного исследования, проведенного в Пакистане, показали, что примерно в половине браков возраст женщины составляет менее 18 лет. В Непале 40% девочек выходят замуж в возрасте 15 лет, а 7% - до достижения 10 лет³. В Индии, где 68% женского населения неграмотны, 47,4% девочек в возрасте от 20-24 лет вышли замуж до 18 лет, а 42% стали матерями до достижения 20 лет. Обязательство правительств по решению гендерных преступлений отражены с помощью различных стратегий: Закон о бытовом насилии (2009) в Непале, Закон О защите женщин (2006) в Пакистане, Закон о профилактике бытового насилия в Шри-Ланке. Хотя правительства и организации гражданского общества постоянно стремятся обуздать гендерные преступления, отсутствие всеобъемлющих статистических данных и неспособность обнаружить и

¹ Das et al.: Intimate partner violence against women during and after pregnancy: a cross-sectional study in Mumbai slums. BMC Public Health 2013 13:817. DOI:10.1186/1471-2458-13-817.

² United Nations Economic and Social Affairs (2015). The World's Women 2015, Trends and Statistics, p. 159. (14)

³ United Nations Statistics Division Violence against Women data portal (unstats.un.org/unsd/gender/vaw/index.html) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://unstats.un.org/unsd/gender/vaw/> (date of access: 10.01.2020)

устранить основные причины, вытекающие из различных социально-культурных сложностей, препятствуют решению проблем гендерного насилия»¹.

В большинстве стран, по которым имеются данные, менее 40% женщин, подвергающихся насилию, обращаются за помощью любого рода. Менее 10% женщин, обратившихся за помощью в связи с насилием, обратились в полицию.

Вместе с тем интересным является факт отношения самих женщин к насилию. Так, «...согласно исследованию, проведенному в трущобах в Мумбаи, 35% женщин указали, что избиение жены является оправданным, если женщины неуважительно относятся к родственникам или спорят со своим мужем, или не выполняют домашнюю работу и уход за детьми, или вышли без разрешения из дома»². Исследователи отметили, что южноазиатские женщины исключительно склонны к сохранению культурных ценностей семейной структуры, брака и религиозной практики даже при попытке приспособиться к различным гендерным ролевым ожиданиям, языку и культурным ценностям в чужой стране. Аналогичная тенденция наблюдается среди женщин-иммигрантов из Южной Азии, которые молча принимают оскорбительное поведение в семье и избегают обращаться за консультацией и юридическими услугами. Кроме того, женщины предпочитают страдать от супружеского насилия, чем обращаться в суд, опасаясь, что это может повлечь за собой социальную стигматизацию, и в целом усугубит семейную проблему»³.

Т.К. Ростовская в авторском исследовании, проведенном в августе 2016 г., обратила внимание на результаты опроса 2 тыс. жителей 14 регионов Казахстана, где в анкету был включен блок вопросов по проблеме домашнего

¹ Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Насилие в отношении женщин: мировые тенденции. Женщина в российском обществе 2020. № 2. С. 89—98 DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.8

² Mishra P. K., Lohiya N. K. Prioritizing reproductive health: can it be the real game changer for India? Journal of Reproductive Health Medicine. 2016, No. 2. P. 1-3.

³ Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Насилие в отношении женщин: мировые тенденции. Женщина в российском обществе 2020. № 2. С. 89—98 DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.8

насилия. «Результаты мониторинга показали, что распространенность случаев домашнего насилия по отношению к женщинам имеет место: свидетелями единичных случаев были 10,2% опрошенных, еще 11,6 % ответили, что наблюдали данное негативное явление часто и очень часто»¹.

Получение точной статистики в отношении гендерного насилия сопряжено с рядом проблем, которые заключаются в различиях в определениях и методологии, и особенно в занижении отчетности жертвами, поскольку эта тема традиционно носит сензитивный характер. В исследовании, проведенном в Индии, было установлено, что «...мужчины сообщают о более высокой распространенности всех форм насилия по сравнению с женщинами»². По данным международного исследования ВОЗ³, женщины в Японии в наименьшей степени подвержены гендерному насилию, в то время как наибольшая распространенность его отмечается в Бангладеш, Объединенной Республике Танзании, Перу и Эфиопии»⁴.

Данные обследования насилия в отношении женщин в Бангладеш, первого общенационального обследования в стране, проведенного бюро статистики Бангладеш в сотрудничестве с Фондом Организации Объединенных Наций в области народонаселения, позволили обратить внимание на то, что «...почти 77% испытуемых подвергались насилию за последние 12 месяцев, и только 8% женщин заявили, что они никогда не подвергались насилию со стороны мужчин, кроме их мужей. В Пакистане комиссия по правам человека оценила распространенность насилия в семье в 65% случаев, из которых одна треть (30,4%) - сексуальное насилие»⁵.

¹ Ростовская Т.К., Калиев Т.Б., Завьялова Н.Б., Безвербный В.А. Профилактика насилия как фактор безопасности семьи: российский и казахстанский опыт. *Женщина в российском обществе*. 2018. № 1(86). С. 78-88. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.7

² Mishra P. K., Lohiya N. K. Prioritizing reproductive health: can it be the real game changer for India? *Journal of Reproductive Health Medicine*. 2016, No. 2. P. 1-3.

³ World Health Organization: WHO Multi-country Study on Women's Health and Domestic Violence Against Women. Geneva: WHO

⁴ Ростовская Т.К., Калиев Т.Б., Завьялова Н.Б., Безвербный В.А. Профилактика насилия как фактор безопасности семьи: российский и казахстанский опыт // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 1(86). С. 78-88. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.7

⁵ Ростовская Т. К., Н. А. Безвербная. Насилие в отношении женщин: мировые тенденции // *Женщина в российском обществе* 2020. № 2. С. 89-98 DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.

Следует согласиться с позицией, что «...гендерное насилие представляет собой серьезную угрозу для глобального общественного здравоохранения и создает значительные препятствия на пути улучшения состояния здоровья женщин. Оно может вызвать множество острых и долгосрочных последствий для здоровья с серьезными и отягчающими последствиями для репродуктивного, сексуального и психологического статуса: физические травмы и инвалидность, распространение заболеваний, передаваемых половым путем, непреднамеренные беременности, гинекологические проблемы, легкие и тяжелые расстройства настроения и самоубийства»¹.

Решение проблемы семейного насилия невозможно без глубокой диагностики характеристик ее представленности в общественном мнении. Именно коллективные установки и общий уровень осведомленности являются тем информационным фоном, на котором будет протекать работа по снижению насилия. Одной из целей данного диссертационного исследования является измерение эволюции европейского общественного мнения в отношении семейного насилия, жертвами которого становились женщины.

Таблица 1.

Основные параметры исследования

Страна	Процент ответивших	Выборочная совокупность	Количество отобранных населенных пунктов	Среднее число респондентов по населенному пункту
Австрия	73	766	9	85
Бельгия	49	899	11	81
Дания	36	852	4	213
Финляндия	34	971	18	53

¹ Ростовская Т. К., Безвербная Н. А. Насилие в отношении женщин: мировые тенденции // Женщина в российском обществе 2020. № 2. С. 89-98 DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.

Франция	53	844	21	40
Германия	69	1503	31	48
Греция	38	937	9	104
Ирландия	51	806	9	89
Италия	44	849	19	44
Люксембург	68	487	4	121
Португалия	67	862	7	123
Испания	49	861	17	50
Швеция	54	866	6	144
Нидерланды	26	845	12	70
Великобритания	34	1109	35	31
Весь	47	13457	212	63

– 98% людей сейчас знают о бытовом насилии по всему ЕС по сравнению с 94% в предыдущем опросе;

– осведомленность о бытовом насилии в отношении женщин очень высока во всем ЕС, благодаря таким средствам массовой информации, как телевидение (92%), газеты и журналы (59%), информирующие подавляющее большинство граждан ЕС об этой проблеме;

– бытовое насилие остается очень распространенным явлением: каждый четвертый респондент в ЕС знает женщину среди друзей или в семейном кругу, которая является жертвой бытового насилия. Со времени предыдущего опроса доля европейцев (похожий опрос, в котором участвовало 15 стран-государств Европейского Союза¹), которые утверждали, что знают жертву домашнего насилия в своем кругу друзей или семьи, увеличилась с 19% до 25%;

– каждый пятый респондент знает о том, что в семьях друзей, знакомых, родных, распространено семейное насилие (21%);

¹ Gracia, E., Herrero, J. Acceptability of domestic violence against women in the European Union: a multilevel analysis // Journal of Epidemiology and Community Health 2006: 60:123–129. DOI: 10.1136/jech.2005.036533.

– женщины чаще, чем мужчины, знают пострадавшую от домашнего насилия. Они также более склонны, чем мужчины, знать о людях, совершивших это преступление, и более склонны серьезно относиться к проблеме и выступать за ужесточение наказания для виновных;

– 78% европейцев признают, что насилие в семье является общенациональной проблемой.

Бедность, социальная изоляция и безработица – наиболее часто упоминаемые причины бытового насилия в отношении женщин в ЕС: бедность или социальная изоляция (77%) и безработица (75%).

По меньшей мере 80% респондентов в 10 странах-членах ЕС видят в этом причину домашнего насилия. 89% респондентов, опрошенных в Дании, ссылаются на бедность или социальную изоляцию в качестве причины; Аналогичны результаты в Литве и Швеции (78% респондентов).

Для сравнения, менее 70% респондентов в шести государствах-членах считают бедность или социальную изоляцию одной из причин этой проблемы, в том числе в Люксембурге (58%), Болгарии (63%), Австрии (65%) и Испании (65%).

Чуть больше людей в ЕС-15 считают бедность или социальную изоляцию фактором, способствующим семейному насилию, сейчас (77%), чем в предыдущем опросе (74%). Это было вызвано значительными изменениями в восприятии в семи государствах-членах, в частности в Дании (89%, по сравнению с 79%), Финляндия (83%, по сравнению с 73%) и Швеция (87%, по сравнению с 78%). С другой стороны, отношение в трех государствах-членах значительно изменилось в противоположном направлении, причем значительное снижение произошло в Люксембурге (58%, по сравнению с 76%), Испании (65%, по сравнению с 79%) и Ирландии (73%, по сравнению с 69%). Можно предположить, что изменения в уровнях бедности и социальной изоляции или изменения в общей осведомленности об этих проблемах стоят за изменениями в отношении.

С социально-демографической точки зрения можно отметить, что молодые респонденты менее склонны, чем пожилые, рассматривать бедность или социальную изоляцию как причину насилия в семье. Только 71% людей в возрасте 15-24 лет ссылаются на это как на причину, но этот показатель возрастает до 76% в группе 25-39 лет и 80% в группе 40-54 лет, прежде чем немного снизиться до 78% в категории 55+. Ответы на вопрос: «Считаете ли вы бедность и социальную изоляцию факторами бытового насилия в отношении женщин?» распределились следующим образом.

Таблица 2.

Ответы респондентов на вопрос: «Считаете ли вы бедность и социальную изоляцию факторами бытового насилия в отношении женщин?»

	Да	Нет	Не знаю
EU27	77%	19%	4%
Дифференциация по возрасту			
15-24	71%	24%	5%
25-39	76%	21%	3%
40-54	80%	16%	4%
55+	78%	17%	5%

Что касается безработицы, то по крайней мере 80% респондентов в 10 государствах-членах считают ее причиной бытового насилия в отношении женщин, во главе с Данией (87%), Грецией (84%), Португалией (84%) и Швецией (83%). Однако в семи государствах-членах менее 70% людей считают безработицу причиной, в то время как в Люксембурге (56%), Болгарии (62%) и Испании (62%) наименее склонны приписывать насилие в семье именно этой социальной проблеме.

Ответы на вопрос: «Считаете ли вы безработицу фактором бытового насилия в отношении женщин?» распределились следующим образом.

Таблица 3.

Ответы респондентов на вопрос: «Считаете ли вы безработицу фактором бытового насилия в отношении женщин?»

	Да	Нет	Не знаю
EU27	75%	20%	5%
Пол			
Мужчины	73%	22%	5%
Женщины	77%	18%	5%
Дифференциация по возрасту			
15-24	64%	30%	6%
25-39	73%	23%	4%
40-54	79%	17%	4%
55+	78%	16%	6%
Занятость			
Частный предприниматель	76%	20%	4%
Менеджеры	78%	19%	3%
«Белые воротнички»	74%	22%	4%
Рабочие	76%	20%	4%
Домашний персонал	74%	20%	6%
Безработные	71%	24%	5%
Пенсионеры	78%	16%	6%
Студенты	64%	30%	6%

Приемлемость насилия в семье в отношении женщин играет важную роль в формировании социальной среды, в которой находятся жертвы, что, в свою очередь, может способствовать либо увеличению, либо снижению уровня семейного насилия в обществе. Ниже анализируются корреляты приемлемости домашнего насилия в Европейском союзе (ЕС) по данным опроса, проведенного в 1999 г. в пятнадцати государствах ЕС (ЕС-15). Трехуровневая порядковая логистическая регрессия 13457 человек, находящихся в 212 населенных пунктах (городах), в 15 странах ЕС. Выборка является многоступенчатой со случайной вероятностью. В 1999 году были использованы национальные данные о жителях всех государств-членов в

возрасте 15 лет и старше (n = 13 457). Средний показатель ответов составил 47%, хотя он варьировался по странам (23%-73%).

Таблица 4.

Показатели ответов и окончательная выборка по странам.

Евробарометр 51.0, Европейский Союз, 1999 г.

Переменная	Вопрос	Мужчины	Женщины	Критерий значимости
	Вы знаете женщину, которая стала жертвой насилия в семье? (да)	36%	45%	$\chi = 112,65$, $p < 0,001$
	Вы знаете, кого-нибудь, кто подвергал женщину насилию в семье? (да)	32%	38%	$\chi = 70,71$, p
	Причиной семейного насилия является провокационное поведение женщин (да)	56%	53%	$\chi = 14,92$, p
	На ваш взгляд, является ли насилие в семье над женщинами приемлемым? 1 = Неприемлемо при любых обстоятельствах и всегда наказуемо 2 = Неприемлемо при любых обстоятельствах и не всегда наказуемо 3 = Приемлемо при определенных обстоятельствах 4 = Приемлемо при любых обстоятельствах	57% 38% 2.7% 1.0%	62% 43% 1.7% 0.8%	$\chi = 40,27$, p
Воспринимаемая частота	Как вы думаете, какова частота семейного насилия в нашей стране? (варианты ответов: очень распространенный или довольно распространенный)	70%	82%	$\chi^2 = 262,63$, p

Воспринимаемое отсутствие строгости	Пожалуйста, скажите мне, считаете ли вы каждую из следующих форм семейного насилия очень серьезной, достаточно серьезной, не очень серьезной или вообще несерьезной (психологическое насилие, физическое насилие, сексуальное насилие, угрозы насилия, ограничение свободы).	6.23	6.77	$\Phi = 260,94, p$
-------------------------------------	--	------	------	--------------------

В ЕС-15 произошло небольшое сокращение числа людей, ссылающихся на безработицу в качестве причины, причем сейчас это делают 75% по сравнению с 78% в предыдущем опросе. Существуют значительные различия между странами, причем некоторые из них фиксируют незначительные подъемы, такие как Италия (74%, по сравнению с 70%), Германия (82%, по сравнению с 79%) и Великобритания (81%, по сравнению с 78%). Однако в других государствах – членах можно заметить значительные сокращения, особенно в Люксембург (56%, по сравнению с 84%), Испания (62%, по сравнению с 83%) и Бельгия (67%, по сравнению с 79%).

Результаты исследования

Социально-демографические данные показывают некоторые различия в том, как разные люди рассматривают безработицу как причину бытового насилия в отношении женщин. Несколько больше женщин (77%), чем мужчин (73%) видят в этом причину, но основное различие проявляется в возрасте респондентов. 78% из тех, кто относится к категории 55+, считают безработицу причиной, но чем моложе респонденты, тем больше эта тенденция снижается, и только 64% из 15-24-летних считают безработицу причиной. Те, кто сообщает о некоторой близости к насилию, с большей вероятностью рассматривают безработицу как причину насилия в семье: 78%

из них по сравнению с 73% респондентов, которые утверждали, что не имеют близости к нему.

Расходы на медицинское обслуживание жертв бытового насилия оцениваются по меньшей мере в 3-5 миллиардов долларов в год. Отделение неотложной помощи – это первое место, где многие женщины, подвергшиеся насилию, оказываются после вспышки насилия; и от одной пятой до одной трети женщин, получающих лечение в больничных отделениях неотложной помощи, являются жертвами избиений. От 20 до 50 процентов женщин, поступивших на срочную хирургическую операцию, подвергались нападению со стороны партнера-мужчины.

Насилие в семье представляет особый риск для беременных женщин. Избиение часто обостряется, когда происходит какое-то изменение в доме, и беременность может спровоцировать такое увеличение. Было подсчитано, что до 37 процентов всех акушерских пациенток подвергаются насилию. Травма может спровоцировать преждевременные роды. Кроме того, избитые женщины в четыре раза чаще рожают детей с низкой массой тела и в два раза чаще выкидышей, чем другие женщины. Жестокое обращение с беременными женщинами является основной причиной младенческой смертности и врожденных дефектов.

Расходы, связанные с насилием в семье, составляют почти 15% от общего годового объема преступлений, в то время как семейные убийства, по прогнозам, обходятся в 1,7 миллиарда долларов ежегодно. Помимо прямых расходов, связанных с вмешательством полиции, суды уделяют большое количество времени изданию охранных приказов, защите жертв и размещению наиболее серьезных правонарушителей.

Итак, несмотря на то, что «... глобализация привела к определенным изменениям в отношении гендерных вопросов, традиционные патриархальные ценности все еще сохраняются во многих обществах и способствуют подрыву прав человека. Межличностные и социокультурные нормы являются окончательными детерминантами природы гендерного 58

насилия. Например, в типичной южноазиатской культуре мужская фигура традиционно рассматривается, как воплощение права и власти, тем самым насилие в семье (в той или иной форме) в значительной степени оправдано давними культурными и социальными ценностями и рассматривается, как неизбежная часть супружеской жизни, возникающая время от времени, и как естественный процесс в довольно счастливо живущей паре. Таким образом, глубина проблемы может быть переоценена и/или недооценена или полностью игнорирована в зависимости от глубины восприятия индивидом проблемы и готовности признать ее как проблему»¹.

Исследованию кросскультурных аспектов гендерного насилия и виктимизации так же посвящены работы ряда зарубежных ученых. Так, Бренес в 2004 г. провел исследование на тему «Бытовое насилие и принятие решений в домашних хозяйствах: данные из Восточной Африки»². Экономическая и социальная динамика насилия была изучена в рамках национального репрезентативного обследования. В эту выборку были включены 4588 супружеских пар. Результаты исследования показали, что богатство семьи, образование и заработки женщин коррелируют с отношением женщин к насилию. Результаты показали, что экономические возможности приведут к снижению уровня насилия в семье.

Социологи из США Т. Овуаманам и В. Акинтоке в 2013 г. провели исследование зависимости между уровнем образования супругов и семейным насилием – «Влияние уровня образования и типа семьи на насилие в семье»³. Выборочная совокупность состояла из 519 супружеских пар. Анализ данных показал, что уровень образования супружеской пары существенно влияет на насилие – в семьях с более широким образовательным разрывом между супругами уровень семейного насилия был выше, чем в семьях с менее

¹ Ростовская Т. К., Безвербная Н. А. Насилие в отношении женщин: мировые тенденции // Женщина в российском обществе 2020. № 2. С. 89-98 DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.

² Brenes, M.Z. (2004). Domestic violence and household decision-making: evidence from East Africa. University of California, Berkeley.

³ Owuamanam, T.O., Akintoke, V.A. (2013). Influence of educational level and family type on domestic violence in Ekiti State, Nigeria. The Clute Institute International Academic Conference Breckenridge, Colorado USA.

выраженным уровнем образования супругов. Далее, было отмечено, что уровень насилия в семье выше в полигамных семьях, а не в моногамных.

Петерс и др. в 2002 г. представили краткий доклад на тему «Понимание насилия в семье в отношении женщин: использование эволюционной психологии для расширения феминистского функционального анализа»¹. Основная гипотеза исследования заключалась в том, что насилие в семье, совершаемое мужчинами, имеет целью контроль над женской сексуальностью. Для проверки гипотезы было отобрано 3969 случаев насилия. Показатели насилия в семье были рассчитаны в соответствии с оценками численности населения для лиц, состоящих в браке и совместно проживающих на основе переписи населения США. Согласно полученным результатам, женщины в возрасте от 15 до 30 лет сталкиваются с более высоким риском насилия в семье, и этот риск снижается с возрастом женщин.

Стоит отметить исследование, проведенное в 2013 г. в Индии для оценки детерминант насилия в семье среди женщин в городских трущобах г. Мумбаи. Данные были получены Городским центром здравоохранения с февраля по март 2008 г. Выборочную совокупность составили 105 замужних женщин в возрасте 15-45 лет², имеющие опыт насилия в семье. Была проведена оценка влияния таких переменных, как возраст, социально-экономическое положение, образование и тип семьи. Насилие, с которым столкнулись жертвы, было в основном вербальным (71,42%) и физическим (48,57%), причем субъектами насилия в семье в основном были их мужья и свекрови. Опрошенные женщины отмечали, что в семье они не имели никакой власти, не участвовали в принятии решений. Они считают, что факторы риска были в основном экономическими, т.е. побуждения оставить

¹ Peters, J., Shackelford, T.K., & Buss, D.M. (2002). Understanding domestic violence against women: using evolutionary psychology to extend the feminist functional analysis. *Violence and Victims*, Volume 17, Number 2.

² Kambli, T.J., Kazi, Y.K., Chavan, Y.B., Velhal, G.D., & Aras, R.Y. (2013). Study to assess determinants of domestic violence among women in urban slum of Mumbai. *IOSR Journal of Dental and Medical Sciences*, Volume 8, Issue 4, PP 18-22.

работу, запрет на трудовую деятельность в целом, запрет на личные денежные средства, контроль расходов.

Ранее, в 2007 г., Йо-Ми изучала корреляцию между рабочим статусом женщин и физическим насилием в браке в Индии¹. В это исследование были включены четыре набора данных. Согласно результатам регрессии, факт трудовой занятости женщины приводил к уменьшению случаев физического насилия в браке, что подтверждает ранее выявленную закономерность. Объяснение роли данной переменной однозначно: занятость гарантирует женщине самостоятельность и независимость, снижает ценность брака как фактора жизнеобеспечения и не дает мужчине дополнительных преимуществ, которые он мог бы «конвертировать» в насильственные практики.

Исследование распространенности и факторов риска супружеского насилия среди женщин в Египте было основано на исследовании, проводимом в период с 2009 по 2010 год². Выборка состояла из 3271 женщин, состоящих или когда-либо состоявших в браке и посещающих финансируемые государством центры семейного здоровья. Была собрана подробная информация о социально-демографическом фоне, характеристиках женщин и мужей, распространенности всех форм насилия. Логистический регрессионный анализ использовался для выявления переменных, которые статистически значимо влияли на появление случаев насилия в браке. Более трех четвертей участников (2519 женщин) испытали насилие какого-либо типа со стороны партнера в течение супружеской жизни. Супружеское насилие было наиболее распространено среди женщин в возрасте от 25 до 35 лет ($P < 0,05$). Насилие в браке значительно различалось среди женщин, имеющих разный уровень образования и различные виды занятости.

¹ Chin, Y. (2007). Women' working status and physical spousal violence in India. Applied Microeconomics seminar at Michigan State University, and Cornell/Michigan International Labor Conference.

² Mamdouh, H.M., Ismail, H.M., Kharboush, I.F., Tawfik, M.M., Sharkawy, O.G. Abdel-Baky, M., & Sallam, H.M. (2012). *Prevalence and risk factors for spousal violence among women attending health care centres in Alexandria, Egypt*. EMHJ Vol. 18 No. 11.

Завершая данный параграф, отметим, что гендерное насилие является следствием сложного взаимодействия религиозных, идеологических, социокультурных факторов. Переплетение гендерного насилия с традиционными социально-культурными аспектами является основной причиной того, что законодательные меры сами по себе не оказали существенного влияния на эту проблему. В качестве потенциального решения этой сложной проблемы в некоторых исследованиях была признана необходимость разработки политики, учитывающей гендерные аспекты, путем согласования различных социально-политических, культурных и экономических факторов, лежащих в основе здоровья и прав человека^{1 2}. Это означает, что директивным органам настоятельно необходимо принимать более своевременные решения и новаторские стратегии путем расширения сотрудничества с представителями гражданского общества и частного сектора, местными и международными правозащитными неправительственными организациями (НКО).

¹ Пашукова Т. И., Тер-Акопова А. С. Теоретический анализ становления понятий гендера и гендерной идентичности в психологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. [Сер.:] Образование и педагогические науки. 2012. № 640. С. 122-132.

² Хоткина З. А. От итогов к перспективам: тридцатилетие российских гендерных исследований // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: материалы Международной научной конференции, Москва — Иваново — Плès, 16—18 мая 2019 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 18-25.

ГЛАВА 2. ГЕНДЕРНОЕ НАСИЛИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ: ОТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ К ПРОФИЛАКТИКЕ

2.1. Структура факторов гендерного насилия в современной российской молодой семье

Несмотря на довольно широкий спектр изучаемых вопросов, связанных с проблематикой насилия, исследователями уделяется мало внимания такой важной проблеме, как анализ факторов, провоцирующих насильственное поведение в семье. Кроме того, обсуждение проблем насилия в близких отношениях с неизбежностью затрагивает такие вопросы, как распределение ролей и властных полномочий, позиции доминирования и подчинения, неравенство в отношениях. Поэтому вполне обоснованным представляется использование идей гендерного подхода при анализе причин возникновения и распространения разных видов гендерного насилия в семье.

Первым социологическим исследованием проблемы семейного насилия в отношении женщин в Российской Федерации стало совместное российско-американское исследование социологов университета Цинциннати США и Института социально-экономических проблем народонаселения РАН «Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году», проведенное в 1996 году в Москве, а также сельских районах Псковской и Саратовской областей¹. Основная цель исследования состояла в получении наиболее полной информации об особенностях семейных отношений в период социально-экономических перемен в городском и сельском населении Российской Федерации.

В данном исследовании были оценены факторы риска виктимизации (т.е. потенциальную способность лица в силу определенных личностных, в первую очередь негативных свойств, становиться жертвой преступления

¹ Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М. и др. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году. М.: Academia, 1999. - 272 с.

либо неспособность государства защитить своих граждан¹⁾ жертвы, степень распространенности разных форм насилия в отношении женщин со стороны супругов, а также представлены объяснения этих явлений на основе теоретических концепций. По мнению авторов исследования, «российские данные отчасти подтверждают истинность теории ресурсов, суть которой состоит в том, что мужчины с низким доходом, непрестижной профессией и низким уровнем образования более склонны к насилию в семье»²⁾. Наибольшее же подтверждение нашла патриархальная теория, в рамках которой причины насилия в отношении женщин со стороны их партнера объясняются тем, что исключительный доступ к властным и материальным ресурсам имеет партнер»³⁾.

В результате проведенного исследования было установлено, что более 80% женщин сталкиваются с тем или иным проявлением психологического насилия, 54% опрошенных испытывают экономическое насилие, при этом 13% женщин находятся в состоянии жесткого экономического насилия, сочетающее в себе зависимое положение и угрозы со стороны партнера. Физическому насилию подвергалось порядка 50% женщин, а жертвами сексуального насилия стали 23% опрошенных женщин. Также исследование подтвердило, что основными факторами риска виктимизации женщин являются: низкий уровень доходов женщины, низкий образовательный уровень или высокий образовательный уровень в сравнении с образовательным уровнем партнера, проживание в сельской местности, употребление партнером алкоголя, принадлежность женщины к старшим возрастным группам. Кроме того, полученные результаты подтвердили концепцию гендерного неравенства, раскрывающая природу домашнего насилия, совершаемого в отношении женщин их партнерами.

¹⁾ Антонян, Ю.М. Криминология [Текст] : учебник / Ю.М. Антонян ; Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России. - 2-е изд., перераб. и доп. - М. : Юрайт, 2012. - 523 с.

²⁾ Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М. и др. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году. М.: Academia, 1999. - 272 с.

³⁾ Там же.

Позднее, основываясь на этих данных, И.Е. Калабихиной и В.А. Козловым было проведено исследование «Домашнее насилие в отношении женщин в современной России: влияние социально- демографических характеристик супругов на распространенность насилия»¹. Данную работу отличало глубокое исследование причин домашнего насилия и факторов, обуславливающих виктимизацию путем проведения кластерного анализа и построения регрессионных моделей. Авторы пришли к следующим выводам:

1. Уровень домашнего насилия крайне высок.
2. Можно выделить две группы факторов риска возникновения насилия в семье.
3. Гендерное насилие исходит из патриархальных установок субъекта.

Таблица 5.

Факторы виктимизации и факторы насилия²

Факторы виктимизации	Факторы насилия
Отсутствие детей	Низкий, по сравнению с женой, образовательный уровень мужа
Низкий, по сравнению с супругом, уровень дохода	Алкогольная или наркотическая зависимость, наличие психического расстройства у мужа
	Наличие судимости
наличие опыта насилия в семейном бэкграунде	

Один из вопросов диссертационного исследования заключается в выявлении социально-демографических показателей, которые могут стать предикторами или факторами жестокого обращения в семье, поскольку приведенные выше данные наглядно демонстрируют зависимость вероятности возникновения гендерного насилия в семье от возраста,

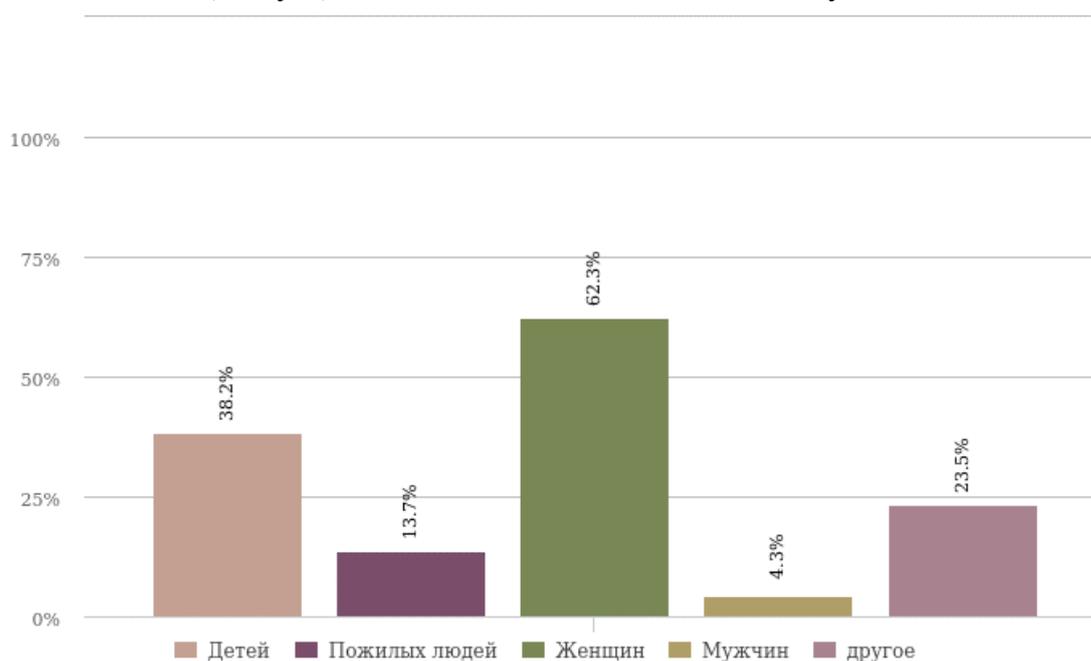
¹Калабихина И.Е. Домашнее насилие в отношении женщин в современной России: влияние социально-демографических характеристик супругов на распространенность насилия [Текст] / И.Е. Калабихина, В.А. Козлов // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2009. – т. 1, № 1. – с. 62-84.

² Там же

национальности, образования, уровня дохода, а также ряда психологических и поведенческих характеристик таких как, злоупотребление психоактивными веществами, опыт насилия в семейном анамнезе и делинквентное поведение. Вывод подтверждается также результатами выборочного социологического опроса населения РФ под руководством профессора В.Г. Доброхлеб¹.

Рис. 1.

Распределение ответов на вопрос «В отношении каких членов семьи чаще осуществлялись известные Вам случаи насилия?»

Исходя из данных, представленных на рис. 1, можно отметить, что чаще всего физическим насильственным действиям в семье подвергается жена. Наиболее распространенным возрастом, когда женщины впервые сталкиваются с насилием со стороны партнера, является возраст 18-24 лет (38,6%), за которым следуют возраст 11-17 лет (22,4%), возраст 35-44 лет (6,8%) и возраст 45+ лет (2,5%).

В связи с этим интересен анализ регионального эмпирического исследования методом анкетного опроса с участием автора, который был

¹ Результаты выборочного социологического опроса населения РФ в зависимости от пола и возраста Государственное задание на 2018–2020 гг. Тема: «Гендерные аспекты социально-экономической динамики современной России» № 0165-2018-0001. Руководитель: д.э.н., профессор Доброхлеб В.Г.

проведен в г. Москве в 2017-2018 годах на базе ГБУ «Кризисный центр помощи женщинам и детям» Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы¹. Кризисный центр помощи женщинам и детям принимает женщин и женщин с детьми, которые попали в трудную жизненную ситуацию и/или в ситуацию насилия, а также женщин, находящихся в состоянии развода и после разводной ситуации, женщин-инвалидов или имеющих детей-инвалидов, одиноких матерей с несовершеннолетними детьми. Всем женщинам, принявшим участие в анкетном опросе, оказывалась помощь в условиях стационара.

Целью анкетного опроса (см. Приложение 1), в котором приняли участие 156 женщин в возрасте от 20 до 30 лет, состоящих в зарегистрированном браке, являлось выявление мнений о проблеме насилия в молодых семьях в московском регионе. Большая часть респондентов имеет высшее образование – 118 человек (75,6 %) средне-специальное образование – 38 человек (24,3%). Распределение респондентов по наличию детей, представлено следующим образом: у 86 респондентов - 1 ребенок (55,1%), у 37 респондентов – 2 детей (23,7%) и у 4 женщин - 3 детей (2,56). Остальные респонденты - 29 человек (18,5%) детей не имеют. Ответы респондентов по уровню дохода распределились следующим образом: из 130 работающих женщин (83,3%) только 30 (23%) имеют уровень дохода выше среднего, у 70 человек (53,8%) средний доход, а остальные 30 человек (23%) имеют низкий и ниже среднего доходы. Безработные 26 человек (16,6%) самостоятельного дохода не имеют и находятся на иждивении у остальных членов семьи.

Главный вывод заключается в том, что основная часть респондентов (125 человек, а именно 80% опрошенных) считают, что в их семьях присутствуют те или иные виды насилия (физическое, психологическое, сексуализированное, экономическое), которые они испытывают на себе в той

¹ Безвербная Н.А., Шевцова О.С. Насилие в молодой семье как социальный феномен // Молодежь. Семья. Общество. Сборник научных статей/ Под общей ред. Ростовской Т.К. М.: Изд-во Перспектива, 2019 г. С. 60-67.

или иной степени с различной периодичностью. 31 человек (19,8%) признались, что испытывают насилие со стороны близкого человека не менее одного раза в месяц, и не менее одного раз в год с тяжелыми для себя последствиями. На вопрос: «Что на Ваш взгляд является причиной насилия в семье?» мнения респонденток разделились: основными причинами называют алкоголизм (47%), материальные и жилищные проблемы (22%), опыт насилия в родительской семье (15%), личную неприязнь (7%), несовершенство законодательства (2%) и другие причины (7%) (рис. 7).

Согласно полученным данным, 135 респондентов (86,5%) считают насилие в молодых семьях сугубо личной проблемой, которую не принято выносить на всеобщее обозрение; оставшаяся часть респондентов – 21 человек (13,4%) считают, что насилие в молодых семьях является проблемой общества и государства и должна, прежде всего, решаться на государственном уровне.

На вопрос: «Какие Вы можете назвать государственные учреждения, социальные службы, общественные организации, помогающие в вопросе разрешения насилия в молодых семьях?» респонденты из молодых семей выделили в первую очередь полицию (61,2%), затем «телефон доверия» (15,4%), Кризисный центр помощи женщинам и детям (11%), суд и прокуратуру (10,1%), социальные службы (2,3%). Все остальные структуры для молодых людей оказались малозначимыми в связи с отсутствием информации об их деятельности в профилактике семейного насилия.

На основании проведенного анализа можем сделать следующие выводы: во-первых, причины семейного насилия во многом связаны с детством, - нахождение ребенка в ситуации насилия существенно влияет на его дальнейшие представления об отношениях, создавая искаженную их проекцию, влияющую на всю дальнейшую жизнь. Во-вторых, авторы исследования отмечают взаимосвязь уровня образования членов семьи, образа жизни, материального положения семьи с фактами (наличием) семейного насилия. Чем выше у человека образование, экономическая

самостоятельность, здоровый образ жизни, тем ниже порог вхождения молодой семьи в ситуацию семейного насилия. В-третьих, исходя из полученных результатов, можно сказать, что в молодых семьях, находящихся в ситуации семейного насилия, больше характерно физическое насилие, чем остальные его виды – мы предполагаем, что это обстоятельство детерминировано возрастом, а именно повышенной эмоциональностью и импульсивностью, свойственной именно такому возрастному цензу.

Таким образом, в результате проведенного опроса удалось выявить следующие социально-демографические и поведенческие факторы риска:

1. *Возраст потенциальной жертвы* домашнего насилия. Первый опыт домашнего насилия, если происходит, то происходит достаточно рано – до 18 лет, однако, чем старше женщина, тем выше вероятность ее виктимизации.

2. *Количество детей.* Чем больше детей воспитывает пара, тем выше вероятность совершения в отношении женщины действий насильственного характера, что обусловлено зависимым положением женщины.

3. *Возраст детей.* Чем младше дети, тем выше уровень социально-экономической зависимости женщины и, как следствие, вероятность насилия по отношению к ней.

4. *Число браков,* в которых состояла женщина, также находится в обратной пропорциональной зависимости с риском виктимизации, что во многом обусловлено влиянием возраста. Кроме того, причиной может служить сохранение модели поведения жертвы.

5. *Уровень образования женщины.* Низкий уровень образования обуславливает низкий уровень дохода и попадание в зависимое от партнера положение.

6. *Опыт насилия в семейном бэкграунде.* Регулярное наблюдение за практиками насильственного поведения способствует, с одной стороны, их

закреплению и легитимации у потенциального субъекта и формированию паттернов жертвы у его объекта.

7. *Наличие зависимостей.* Злоупотребление алкоголем и психоактивными веществами способствует ослаблению внутренних контролирующих механизмов и провоцирует насилие как способ достижения целей и решения внутрисемейных проблем.

Помимо социально-демографических факторов гендерного насилия необходимо выделить и социально-экономические, часто выступающие в роли непосредственных триггеров для применения насилия. Одна из гипотез исследования заключается в выявлении корреляций между снижением доходов, потерей работы, самоизоляции в результате пандемии COVID-19 и ростом гендерного насилия.

Основное внимание после катастроф и чрезвычайных ситуаций прежде всего уделяется ликвидации последствий, помощи пострадавшим, недопущению вспышки инфекционных заболеваний, восстановлению инфраструктуры, удовлетворению основных потребностей, однако проблема насилия, в том числе семейного, в условиях чрезвычайных ситуаций остается практически незамеченной, по этой причине исследования подобной проблематики немногочисленны. Однако обзор проведенных в ряде зарубежных стран исследований подтверждают гипотезу о том, что насильственные действия со стороны членов семьи, жестокое обращение с детьми, сексуальное насилие широко распространены после чрезвычайных ситуаций.

В частности, первые исследования рисков гендерного насилия в семейно-бытовой сфере, проведенные после извержения в 1980 г. вулкана Сент-Хеленс на северо-западе США, позволили выявить следующую негативную динамику. Количество зарегистрированных полицией случаев семейного насилия увеличилось почти на 46%. После тропического урагана Эндрю выдача судебных предписаний по той же группе дел увеличилась вдвое. Особую актуальность тема взаимосвязи природно-климатических

факторов и гендерного насилия приобрела в 2020 году в связи с началом пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19. Противоэпидемические меры, в частности, полуторамесячный карантин, сформировали новые риски, стали катализатором конфликтов в межличностных отношениях и способствовали росту показателей гендерного насилия в семьях. По прошествии полугода с начала пандемии, стало очевидно, что это событие существенным образом повлияло на жизни миллионов людей, поэтому нам необходимо было провести параллель между чрезвычайными ситуациями и пандемией COVID-19 с точки зрения катализатора обострения межличностных отношений, что привело по всему миру к росту разных форм и видов насилия. Локдаун как одна из мер, предпринятая большинством государств с целью воспрепятствования распространению коронавирусной инфекции, повлекла за собой интенсификацию контактов между членами семьи, часто в стесненных условиях, что привело к нарастанию напряжения.

Второе направление дискурса – пессимистическое, фокусирующееся на возможных негативных последствиях самоизоляции. К таковым относится, прежде всего, рост показателей семейного насилия вследствие нахождения в ограниченном пространстве, финансовых затруднений, накопления напряжения, отсутствия привычных возможностей для релаксации, низкой культуры семейных взаимоотношений и отсутствия навыков конструктивного разрешения конфликтов. При всем нежелании признавать наличие этих проблем, данный дискурс начинает заметно преобладать. И если позитивные последствия (в случае, если таковые всё же будут) еще предстоит увидеть, то негативные очевидны уже сейчас. Разводы звездных пар, не выдержавших попытки самоизоляцией, красноречиво свидетельствуют именно об этом. Сплочение в трудных ситуациях – это удел благополучных семей, не раздираемых ни внутренними противоречиями, ни банальным безденежьем. Самоизоляция и финансовый кризис станут хорошей

проверкой российской семьи на прочность, результаты которой еще предстоит оценить.

Несмотря на все предпринятые меры, не был выработан единый подход для решения проблемы семейного насилия, особенно в кризисных ситуациях, пандемия коронавирусной инфекции это подтвердила.

Результаты первой волны Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России» (2019-2020 годы)¹, проведенного с участием автора в рамках гранта РФФИ (№ 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России») в десяти субъектах Российской Федерации, позволили выявить наличие и динамику крупных ссор и скандалов в семье, которые могут привести к насилию в российской семье.

О наличии частых скандалов в семье сообщили только 3% россиян, о том, что ссоры бывают «время от времени» - 13%, редко – 34%, были ссоры, но теперь нет - 8% и 41% говорят, что практически не бывает крупных скандалов в семье (табл. 6). Можно ли связан с пандемией?

Таблица 6.

Распределение ответов на вопрос «Бывают ли в Вашей семье крупные ссоры или скандалы?», в % от числа опрошенных

Вариант ответа	Ивановская область	Московская область	г. Москва	Вологодская область	Волгоградская область	Ставропольский край	Республика Башкортостан	Республика Татарстан	Нижегородская область	Свердловская область	Среднее по опросу
Да, часто	7,9	2,7	3,0	2,9	2,5	4,2	2,7	3,1	3,3	1,3	3,1
Да, время от времени	23,6	14,7	14,8	12,5	12,4	12,0	11,4	7,5	13,1	11,4	13,2
Да, но редко	45,7	34,6	33,2	30,5	40,2	30,2	31,9	32,1	34,4	32,9	34,0
Нет, практически никогда	22,9	38,5	39,7	41,7	36,5	40,0	41,5	48,4	47,5	48,2	41,3
Раньше были, но теперь – нет	0,0	9,5	9,3	9,0	8,4	13,7	12,5	8,9	1,6	6,1	8,4

По мнению россиян, ссоры и конфликты обусловлены большей частью непониманием друг друга (55%), 21% к числу причин конфликтов относят

¹ Всероссийское социологическое исследование «Демографическое самочувствие России», проведенное в конце 2019 – начале 2020 гг. в Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Уральском, Северокавказском, Южном федеральных округах. N=5616 представители различных поколений в возрасте от 18 до 50 лет. Рук. - д.соц.н., профессор Т.К. Ростовская.

нарушения этики взаимоотношений, 17% - отказ участвовать в семейных делах и заботах, 14% - разногласия в воспитании детей, алкоголь – 9% (табл. 7).

Таблица 7.

Распределение ответов на вопрос «Чем обусловлены ссоры, конфликты?», в % от числа опрошенных

Вариант ответа	Ивановская область	Московская область	г. Москва	Вологодская область	Волгоградская область	Ставропольский край	Республика Башкортостан	Республика Татарстан	Нижегородская область	Свердловская область	Среднее по опросу
Непониманием членами семьи друг друга	54,9	58,0	61,8	57,8	60,4	49,7	46,7	49,8	47,7	58,0	54,6
Нарушением этики взаимоотношений (грубость, неверность, неуважение и др.)	57,1	23,0	25,1	13,5	19,4	17,7	17,1	16,4	14,8	18,4	20,6
Отказом участвовать в семейных делах, заботах	19,5	21,0	20,5	16,2	15,7	18,0	14,9	13,1	19,5	17,3	17,5
Разногласиями в вопросах воспитания детей	19,8	14,6	12,4	16,2	12,6	13,5	15,1	14,7	14,1	12,6	14,3
Злоупотреблением алкоголем	20,8	7,0	5,2	10,0	10,4	7,3	9,3	9,4	10,2	8,2	9,2
Другими обстоятельствами	1,3	3,3	1,8	1,8	3,7	4,6	5,0	5,2	1,6	2,1	3,1

В данном случае исследователи могут направить фокус научного интереса не только в сторону количественных, но и качественных методов с целью профилактики конфликтов и внутрисемейного насилия, применяя практики осознанного родительства, налаживания контакта с детьми и подростками.

Таким образом, ситуационный кризис обнаруживает всеобъемлющую картину проблемы, а также широко идущие и разрушительные последствия - и обеспечивает более четкое представление о том, почему необходимы меры для минимизации данной проблемы в российском обществе. Исследования показывают, что крупные события, такие как пандемии, стихийные бедствия и рецессии, часто приводят к росту насилия в семье.

2.2. Авторские модели предупреждения гендерного насилия и помощи его жертвам

Межрегиональное качественное социологическое исследование проводилось автором в два этапа: первый с июня по декабрь 2020 г., следующий этап качественного исследования проводился с февраля по июль 2021 г. Для двух этапов исследования были отобраны НКО, кризисные центры, центры защиты, оказывающие помощь пострадавшим от семейного насилия, находящиеся в следующих десяти субъектах РФ: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Республика Карелия, Приморский край, Красноярский край, Иркутская, Калининградская, Новосибирская, Ростовская, Томская области.

Общая характеристика исследования

Инструментарий для проведения глубинного интервью был составлен с целью исследования социальных, экономических причин и последствий семейного насилия, а также гендерных особенностей семейного насилия.

Основные группы информантов:

1. руководители НКО и кризисных центров;
2. сотрудники НКО и кризисных центров;
3. практикующие юристы;
4. координаторы Центра защиты пострадавших от домашнего насилия.

Метод исследования – глубинное интервью (метод отбора информантов – целенаправленный, метод «снежного кома»). Проектирование выборки (целенаправленный метод отбора) – поиск кандидатов для участия в интервью производился посредством социальных сетей (как личные социальные связи, так и интернет-сообщества в социальных сетях).

Цель исследования – анализ социальных, экономических и демографических последствий гендерного насилия в семье, а также выявления гендерных особенностей семейного насилия для формулирования

практических предложений по профилактике и преодолению данной проблемы в российских семьях.

Задачи исследования:

- анализ причин, форм и видов проявления насильственного поведения в семье;
- выявление роста семейного насилия во время ограничительных мер, связанных с пандемией Covid-19;
- мониторинг актуальных мер профилактики семейного насилия в России;
- выявление социальных, экономических и демографических последствий семейного насилия.

В каждом регионе было опрошено от 2 до 5 экспертов.

Гайд интервью включал следующие разделы и примерные вопросы:

(1) Расскажите о своей организации и деятельности в ней: как и когда она создавалась, основные цели и направления деятельности, опыт работы в ней.

(2) На ваш взгляд, в чем причины отсутствия официальной статистики пострадавших от семейного насилия? По вашему мнению, чем опасно отсутствие официальной статистики по данной проблеме? Расскажите, пожалуйста, о данной проблеме в Вашем регионе? Как часто обращаются, половозрастная структура пострадавших, виды насилия, с которыми сталкиваются? Работаете ли Вы с авторами семейного насилия? Обращаются ли мужчины? Если да, то с какими проблемами они сталкиваются? Одна из самых незащищенных групп населения – пожилые люди: известны ли Вам случаи обращения пожилых людей в убежища/общественные организации и проч.? Можете ли назвать основные причины насильственных действий в семьях после общения/помощи пострадавшим? Как это повлияло на семейные отношения?

(3) Замечен ли рост семейного насилия во время режима самоизоляции? Какие еще факторы, кроме замкнутого пространства, повлияли на рост семейного насилия во время самоизоляции?

(4) Как Вы понимаете систему профилактики семейного насилия? Чем в реалиях профилактика отличается от системы реагирования? Какие инструменты профилактики семейного насилия доступны в Вашем регионе? Оцените общее состояние системы профилактики семейного насилия и в России, и в регионе, в котором Вы работаете с точки зрения эффективности? Помогает ли государство в области профилактики семейного насилия? Какую поддержку получает организация и в каких видах помощи и поддержки нуждается организация? Есть ли, на ваш взгляд, необходимость в принятии Закона о преодолении семейного насилия? Какие рекомендации Вы можете дать по ряду направлений:

- преодоление проблемы семейного насилия на региональном и федеральном уровне;
- как должна работать система профилактики и система реагирования;
- роль государства и роль гражданского общества в преодолении данной проблемы.

Интервью проводились в публичных местах, вне дома, где информанты чувствовали себя более свободно (однако пандемия COVID-19 повлияли на то, что интервью нужно было проводить в очно-дистанционном формате, с использованием zoom), но с обязательной аудио или видео фиксацией. Ответы экспертов были записаны на диктофон и впоследствии расшифрованы.

После проведения автором первого этапа качественного исследования, было принято решение о необходимости продолжить проведение глубинных интервью с целью выявления особенностей гендерного насилия в российских семьях. Часть интервьюируемых экспертов опрошены повторно, также были

привлечены новые эксперты, деятельность которых напрямую связана с проблемой семейного насилия в России.

Результаты исследования:

В результате проведенного исследования, было отмечено несколько тенденций относительно проблемы семейного насилия – одна из которых связана с обращениями мужчин за консультационной помощью (как пострадавших от психологического насилия в семье, как акторов насильственных действий и как людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации), например: *«Недавно был звонок от мужчины: «тут такое дело, от меня жена ушла, но давайте начнем с того, что я ничего не делал».* Комментарий эксперта: *«Он думает, если не поднимал на нее руку, то значит никакого насилия в отношении нее он не совершал, но бывает и психологическое насилие – это может быть унижение, запреты на встречи с родными и близкими».*

Приведем мнение одного из экспертов по данному вопросу: *«Мы анализировали обращения в учреждение в период ограничительных мероприятий, еженедельно делали срезы, и сравнивали его с аналогичными периодами прошлого года, позапрошлого, даже трехлетний период рассматривали, но не заметили резкого всплеска домашнего насилия, но когда у нас была пресс-конференция в Итар-Тасс, и с нами вместе присутствовала партнерская организация «Врачи-детям», у которых работает детский телефон доверия, они сказали что мы можем сделать вывод о росте насилия в семье за счет детских обращений, когда дети говорят нам о том, что они уже не могут видеть то, что происходит в семье»* (эксперт, жен. 57 лет, директор кризисного центра г. Санкт-Петербург, опыт работы более 20 лет).

Эксперты подтвердили тезис о том, что чаще всего от жестокого обращения в семье страдают женщины, затем дети и члены семьи, старше 60 лет (по ряду причин пожилые люди – самая латентная группа, в которой существует эта проблема: люди старшего возраста сами практически никогда

не обращаются за помощью, особенно если они взаимодействуют только с социальными работниками, иногда обращение невозможно из-за маломобильности и в целом плохого состояния здоровья, также эксперты отмечают, что не редки случаи очень сложных детско-родительских отношений, которые стали катализатором к физическому и психологическому насилию по отношению к пожилым родителям:

«...некоторым не давали возможности самореализации, были случаи, когда родители совершали в отношении своих детей насилие и бросали их, не уделяли должного внимания, часто их обвиняли в том, что они говорили неправду, например, когда девочки жаловались матери, что были попытки их склонения к определенным отношениям со стороны или отчима, или друга матери, и как родители поступали по отношению к своим детям...».

Отдельное внимание эксперты уделяют статистике, а точнее отсутствию официальных данных, более того, не редки случаи, когда ряд силовых ведомств и структур вынуждены обращаться к некоммерческим организациям за внутренней статистикой, потому что декриминализация побоев в отношении близких, за которые прежде устанавливала уголовную ответственность ст. 116 УК РФ, неизбежно привела к отсутствию официальных данных о количестве пострадавших. При отсутствии данных достаточно легко оперировать тезисом, что проблемы домашнего насилия не существует. *«Статистика не должна утаивать от граждан; это противоречит правам человека, когда люди не знают статистики. Надо сначала узнать масштаб проблемы с тем, чтобы потом бороться с ней и предупредить, отсутствие статистики мешает это делать» (эксперт, правозащитник, муж., опыт работы более 20 лет).*

Все эксперты отрицательно относятся к фактической декриминализации домашнего насилия. При этом они, ссылаясь на ряд прецедентов, говорят о возможности вернуть его в Уголовный кодекс. Среди таковых – возврат в разряд уголовных преступлений распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица

или подрывающих его репутацию, т.е., клеветы, незадолго до этого переведенной в число административных правонарушений.

Данные, приведенные выше, безусловно подтверждают всю сложность и многогранность, системность и цикличность проблемы домашнего насилия. На наш взгляд, уменьшение масштабов домашнего насилия лежит в плоскости профилактики и реагирования. Основная проблема, по мнению экспертов, в том, что профилактика в РФ не носит системный характер, кроме того, очень мешают стереотипы, связанные с мнением о вмешательстве в личную жизнь отдельно взятой семьи.

Респондентами было отмечено, что в их практике не редки случаи вмешательства авторов семейного насилия в профессиональную самореализацию женщины: начиная от саботажа, запретов на посещение работы, заканчивая звонками им в течение дня или приходами к ним на работу без предупреждения. Исследования показывают, что около 50% женщин, подвергшихся избиениям на работе, подвергаются притеснениям в работе со стороны своих.

Проведенное качественное социологическое исследование позволило выявить основные профилактические направления по уменьшению масштабов проблемы семейного насилия, а также обратить внимание на необходимость своевременного реагирования и оказания помощи пострадавшим от семейного насилия. Последнее подразделяется на экстренную (предоставление места временного проживания – убежища) и не экстренную помощь (консультация по телефону с психологами кризисного центра, очные консультации со специалистами) в зависимости от состояния человека, подвергшемуся насилию в семейных отношениях. Систематизацию профилактических мер влияет разрыв между мезо- и макро- уровнем: все без исключения эксперты высказали мнение о необходимости принятия мер, которые законодательно должны регламентировать ответственность за применение разных форм насилия в семье, так же эксперты ссылались на межведомственное взаимодействие, как одному из

важных путей профилактики семейного насилия, но последнее возможно на мезо-уровне и не во всех регионах.

Отдельный блок интервью был посвящен проблеме домашнего насилия во время ограничительных мер, связанных с пандемией Covid-19. На основе проведенных нами экспертных интервью во второй половине 2020 г. с руководителями НКО и кризисных центров, практикующими юристами, удалось выяснить, что специалисты объясняют вспышку семейного насилия в период пандемии COVID-19 и связанных с ним ограничительных мер условиями самоизоляции и экономическим кризисом: семьи заперты друг с другом в четырех стенах, неизвестности, как и стресса, стало больше. Втакой ситуации практически неизбежны конфликты даже в благополучных семьях, что уж говорить о тех, где эпизоды домашнего насилия уже случались или успели стать нормой.

С одной стороны, официальная статистика демонстрировала снижение обращений граждан в правоохранительные органы, но это объясниморежимом самоизоляции и рисками получить штраф при обращении в правоохранительные органы, с другой стороны, некоммерческие организации и правозащитники в СМИ не раз говорили о всплеске домашнего насилия из-за ряда факторов: потеря работы, длительное нахождение в замкнутом пространстве в небольших квартирах, пролонгированные конфликты в семье и т.д.

Если говорить о статистике насилия в семье в период карантина в России, некоторые некоммерческие организации, работающие в сфере домашнего насилия, привели следующие цифры¹.

С марта по май 2020 года Региональная общественная организация Независимый Благотворительный Центр помощи пережившим сексуальное насилие оказывал помощь жертвам домашнего и сексуализированного

¹ Домашнее насилие в условиях COVID-19 в России. Доклад семи организаций по защите прав женщин. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wcons.net/wp-content/uploads/2020/07/Doklad-o-domashnem-nasilii-v-usloviyah-COVID-19-v-Rossii-2020-god.pdf>

насилия в дистанционном режиме по электронной почте или по телефону. Всего они получили 481 обращение по электронной почте, тогда как за последний год было всего 316 обращений. В апреле и мае 2020 г. количество обращений, поступивших по электронной почте, увеличилось почти вдвое по сравнению с тем же периодом 2019 г.

После введения режима самоизоляции возросло количество звонков на Всероссийскую «горячую линию» Центра помощи женщинам, пострадавшим от домашнего насилия, предназначенную для женщин, страдающих от домашнего насилия. Общее количество звонков в период с марта по май 2020 года составило 8682 звонка. После введения режима самоизоляции в марте Центром зарегистрировано 2437 звонков. В апреле всего поступило 2682 звонка. В мае количество звонков увеличилось до 3563, при этом более 60% женщин отмечали, что в период самоизоляции ухудшилась ситуация дома, а почти 4% женщин отметили, что у них в первый раз инциденты домашнего насилия произошли именно в период строгой изоляции.

В марте 2020 года Проект «Зона права» открыл «горячую линию» для жертв домашнего насилия. Для того чтобы облегчить женщинам доступ к юридической помощи, линия работала в популярных мессенджерах (WhatsApp и Telegram). С 31 марта по 11 июня 2020 года по телефону, в мессенджерах и по электронной почте поступило 150 обращений за помощью. Проект сообщил о 1 352 обращениях за помощью в апреле 2020 г. и 2 038 обращениях в мае при среднем количестве в 500-700 обращений ежемесячно.

Согласно информации, предоставленной консорциумом женских неправительственных ассоциаций, в период с марта по май 2020 года было подано в общей сложности 353 жалобы: 104-в марте, 111-в апреле и 138-в мае. Примечательно также, что количество обращений за помощью в

Центральном федеральном округе, включая г. Москву, в мае удвоилось по сравнению со среднемесячными запросами¹.

С введением запретительных мер все большее число звонков поступало на Общероссийскую горячую линию для женщин, переживающих насилие в семье. Общее количество звонков за период с марта по май 2020 года составило 8682. После введения ограничительных мер в марте центр зарегистрировал 2437 звонков. В апреле общее число звонков составило 2682. В мае количество звонков увеличилось до 3563 звонков. 69,5 % женщин, обратившихся на горячую линию, отметили, что в период изоляции ситуация дома ухудшилась. Кроме того, 3,8 процента женщин заявили, что впервые случаи насилия в их домах имели место в период изоляции. Проект ТыНеОдна сообщил о 1352 запросах об оказании помощи в апреле 2020 года и 2038 запросах в мае, при этом среднемесячное число запросов составляло около 500-700².

На Северном Кавказе две партнерские организации сообщили о резком увеличении числа просьб об оказании помощи в апреле и мае 2020 года. В апреле и мае 2020 года число просьб об оказании правовой помощи в ситуациях бытового насилия возросло на 100%, а число жалоб на сексуальное насилие, например, изнасилование в браке, увеличилось³. Во всех случаях клиенты страдали от хронического бытового насилия, которое продолжалось много лет, но которое усилилось в период ограничительных мер.

По данным Псковского независимого социального женского центра, в апреле-мае 2020 года было в пять раз больше обращений за помощью, чем в январе-марте 2020 года. Более того, звонки на горячую линию Пскова сапреля по май 2020 года выросли на 200% по сравнению с январем-мартом

¹ Домашнее насилие в условиях COVID-19 в России: Доклад семи организаций по защите прав женщин [Электронный ресурс]. URL: <https://wcons.net/wp-content/uploads/2020/07/Doklad-o-domashnem-nasilii-v-usloviyah-COVID-19-v-Rossii-2020-god.pdf> (дата обращения 15 января 2021).

² Там же

³ Там же

2020 года. В апреле и мае центр оказал помощь 94 женщинам и детям различными способами: 3 проживали в приюте; 15 консультировались по горячей линии; 18 получали юридические консультации; 27-психологические консультации; 31 - материальную помощь (продовольствие)¹.

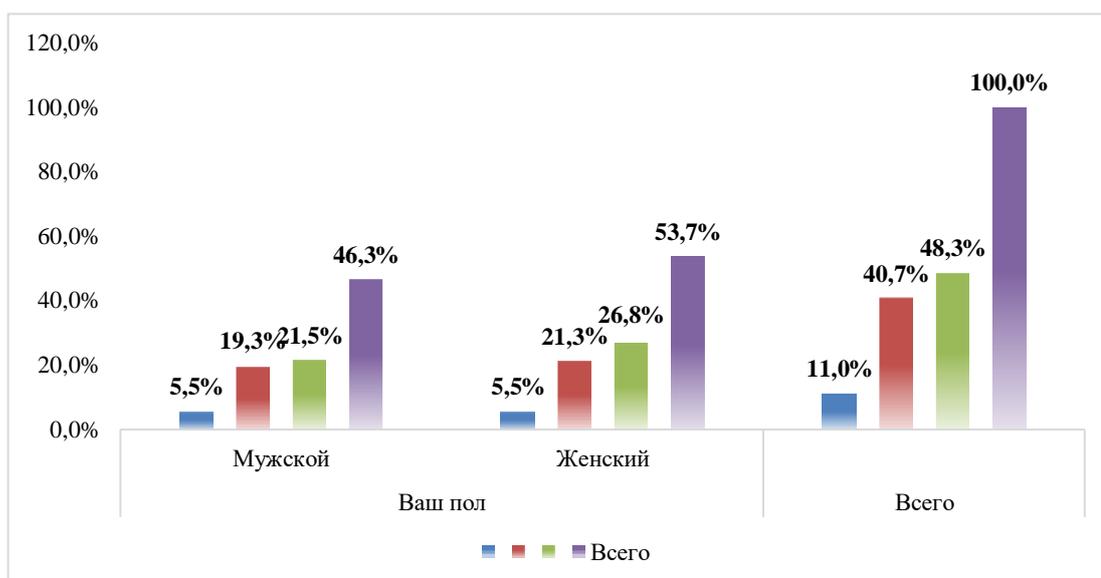
Поскольку пандемия коронавирусной инфекции все еще продолжается, то количественная и качественная оценка ее последствий на семью и внутрисемейное взаимодействие пока не представляется возможной. Однако в научной литературе и публицистике отчетливо прослеживается два основных дискурсивных направления. Первое – оптимистическое. Оно акцентирует внимание на позитивных эффектах, которые сопровождают или могут сопровождать противоэпидемические мероприятия. Речь идет о возможном всплеске рождаемости вследствие самоизоляции в узком семейном кругу, росту семейной сплоченности из-за появления общих интересов и активизации межпоколенной коммуникации. Данный дискурс активно эксплуатируется центральными телеканалами, наиболее ответственными за формирование общественного мнения и интернет сообществом вследствие его продуктивности для создания юмористического контента.

Рис. 3.

Распределение ответов на вопрос «Часто ли вы узнаете о проявлении насилия в семьях вашего населенного пункта?»²

¹ Домашнее насилие в условиях COVID-19 в России: Доклад семи организаций по защите прав женщин [Электронный ресурс]. URL: <https://wcons.net/wp-content/uploads/2020/07/Doklad-o-domashnem-nasilii-v-usloviyah-COVID-19-v-Rossii-2020-god.pdf> (дата обращения 15 января 2021).

² Результаты выборочного социологического опроса населения РФ в зависимости от пола и возраста Государственное задание на 2018–2020 гг. Тема: «Гендерные аспекты социально-экономической динамики современной России» № 0165-2018-0001. Руководитель: д.э.н., профессор Доброхлеб В.Г.

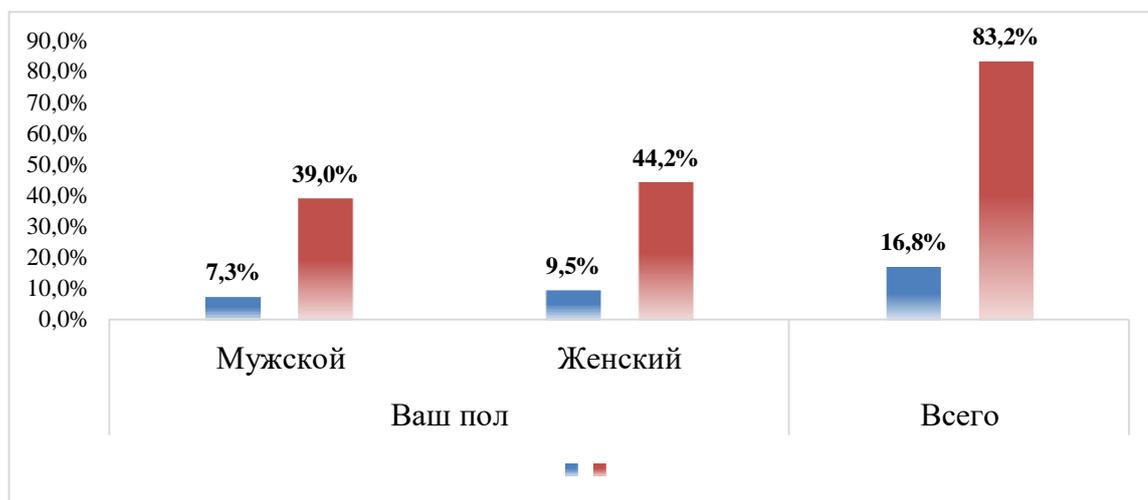

В отсутствии четких указаний государственных органов о возможном нарушении режима строгой изоляции в случае домашнего насилия некоторые женщины боялись покидать свои дома и бежать от агрессора, поскольку думали, что тем самым они нарушили бы ограничение, предписывающее находиться дома. Более того, в некоторых случаях агрессоры угрожали женщинам звонком в полицию. Так продолжалось до 27 мая 2020 г., когда Министерство Внутренних Дел сделало официальное заявление о том, что лица, нарушившие регламент режима строгой изоляции в чрезвычайной ситуации, включая случаи домашнего насилия, не должны привлекаться к ответственности за это.

Рис. 4.

Распределение ответов на вопрос «*Чаще ли Вы стали узнавать о случаях насилия в семьях в период введения режима самоизоляции?*»¹

² Результаты выборочного социологического опроса населения РФ в зависимости от пола и возраста Государственное задание на 2018–2020 гг. Тема: «Гендерные аспекты социально-экономической динамики современной России» № 0165-2018-0001. Руководитель: д.э.н., профессор Доброхлеб В.Г.

При сравнении данных рисунка 3 и рисунка 4 заметно, что в период самоизоляции осведомленность респондентов о случаях насилия в семьях увеличилась на 4% у женщин и на 1,8% у мужчин, участвующих в опросе – для несколько месяцев самоизоляции такие цифры статистически значимы и подтверждают тезис о влиянии условий, детерминированных пандемией, на данную проблему.

Несмотря на все предпринятые меры, не был выработан единый подход для решения проблемы семейного насилия, особенно в кризисных ситуациях, пандемия коронавирусной инфекции это подтвердила.

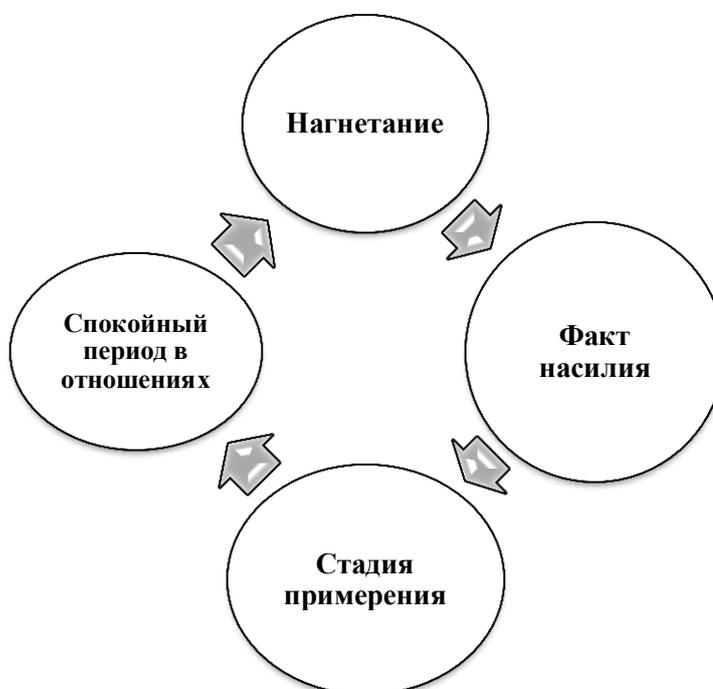
Второй этап качественного исследования был сосредоточен на вопросах, связанных с социальными, экономическими и демографическими последствиями гендерного насилия для российской семьи, в целом.

Эксперты подчеркивали что всегда речь идет об «абьюзивных отношениях», то есть исключая из этого понимания одноразовые конфликты. Все эксперты акцентировали внимание на том, что в основном агрессором в абьюзивных отношениях являются мужчины, однако, женщины тоже «могут наносить травмы, но психологического и психо-эмоционального характера, оскорбляя мужчину, унижая его человеческое достоинство, манипулируя скандалами и слезами, постоянно упрекая мужчину во всем, чтобы он не сделал». При этом один из экспертов, ссылаясь на горячую линию психологической помощи, отметил, что были случаи сексуализированного насилия женщин над мужчинами.

Интервью мы начинали с вопроса о том, как эксперты понимают гендерное насилие, его спецификацию, виды, формы, особенности, причины и последствия – этому посвящен основной блок гайда интервью.

Одна из особенностей гендерного насилия, которую эксперты не раз упоминали – цикличность (*здесь и далее подразумевается цикл насилия, то есть теория Л. Уокер, объясняющая модель насильственного поведения в личных взаимоотношениях* [прим. автора] см. рис.5).

Рис. 5. Цикл насилия (по Л. Уокер)

Исходя из ответов экспертов, удалось сформулировать совокупность факторов, приводящих к гендерному насилию: физическое неравенство полов, исторически утвердившееся разделение семейных обязанностей, гендерное неравенство, сохраняющееся в отдельных сферах общественной жизни, нормы, поддерживающие применение насилия, образцы насильственного поведения в родительской семье.

Гендерные стереотипы также оказывают колоссальное влияние на проблему семейного насилия: *«Из-за установок, что мужчина — «добытчик», а женщина может пожертвовать карьерой ради семьи и детей, женщины чаще оказываются в экономической зависимости от мужа» (цитата из ответа эксперта).*

Кроме того, нам удалось выявить, что в ситуации домашнего насилия фактор экономической зависимости становится еще одним способом закрепить дисбаланс власти в отношениях: сложнее организовать побег, нет денег на адвоката, уходить некуда, жить не на что, за плечами большой перерыв в работе из-за детей: *«Есть такое понятие как «феминизация бедности» (цитата из ответа эксперта).*

Рост гендерного насилия может быть остановлен путем публикаций истинных данных о его распространенности. Кроме того, проведение национальных обследований на регулярной основе путем скрининга для выявления случаев гендерного насилия имеет решающее значение для разработки стратегий его профилактики и вмешательства с учетом культурных особенностей, которые будут в значительной степени способствовать оценке и мониторингу прогресса в обеспечении гендерного равенства»¹. Создание более тесного взаимодействия между правительством и организациями гражданского общества в равной степени необходимо для понимания препятствий на пути осуществления политики по предотвращению гендерного насилия.

Итак, решение проблем гендерного неравенства и гендерного насилия, должно основываться на взаимодействии политических сил, экономических изменений и вмешательства гражданского общества. Привлечение широкого круга людей к вышеназванным проблемам способно повлиять на социальные нормы и ценности, особенности менталитета, основанные на агрессии и насилии, убежденности в несправедливости в отношении женщин.

¹ Ростовская Т. К., Безвербная Н. А. Насилие в отношении женщин: мировые тенденции. Женщина в российском обществе 2020. № 2. С. 89—98 DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.

Просвещение через наиболее популярные коммуникационные каналы – социальные сети или Youtube, дающие доступ к тематическому контенту без привязки к определенному времени представляется наиболее эффективной мерой для достижения этих целей. Содержательному аспекту также необходимо уделить повышенное внимание: информация должна подаваться в форме, наиболее привлекательной для целевых аудиторий, с учетом их ценностно-нормативной структуры, особенностей восприятия, возраста и потенциальной роли в системе гендерно-насильственных отношений. Например, показателен опыт США, где функционирует кампания по просвещению мальчиков и мужчин. Ее основной посыл формулируется следующим образом: «Моя сила не для того, чтобы причинять боль». Материалы кампании подчеркивают то, как мужчины могут быть сильными, не подавляя других, направлять мужественность в иное русло заботы и защиты. Есть ряд и других мероприятий, таких как «16 дней», направленных на борьбу с насилием против девочек и женщин, но, как нам видится, эти программы носят краткосрочный характер, что не может в полной мере искоренить проблему гендерного насилия.

Это связано с тем, что причины гендерного насилия невероятно разнообразны и не могут быть проработаны в рамках какого-то определенного подхода. Таким образом, показано проведение ряда долгосрочных мероприятий с привлечением средств массовой коммуникации, включающих:

- информирование о гендерном равенстве как залого и основе социального благополучия и социальной интеграции на всех уровнях функционирования;
- повышение осведомленности о гендерном насилии как проблеме прав человека;
- актуализацию работы по борьбе с насилием против женщин на местах с использованием ресурсов локальных сообществ;

– -принятие политических мер, защищающих женщин от неравенства и насилия, дифференциация законодательного регулирования гендерного насилия в семье, в быту, на рабочем месте, в публичной сфере;

– повышение общего уровня культуры и грамотности населения, особенно в локациях с менее благоприятной социально-экономической и демографической обстановкой.

Таким образом, необходимо улучшить мониторинг и оценку программ, касающихся гендерного насилия с тем, чтобы обеспечить подотчетность мероприятий для целевых групп населения и дальнейшее изучение предполагаемых и непреднамеренных последствий этих мероприятий. Особая роль в данном процессе возлагается на институты гражданского общества как на вневедомственных регуляторов системы мониторинга и профилактики гендерного насилия.

Кроме привлечения каналов СМИ и гражданского общества, мы предлагаем введение адресной финансовой помощи женщинам, пострадавшим от семейного насилия, чтобы избежать социально-экономической зависимости, от своего насильника. Финансовая помощь может быть использована на получение дополнительного образования, профессиональной переподготовки, повышения шансов на рынке труда, самообеспечения и самореализации.

В условиях ускорения социальной динамики, увеличения сложности социальной системы, возникновения новых конфликтогенных зон требуются инновационные подходы и мобилизация общественного сознания для формирования коллективного видения проблемы гендерного насилия, атмосферы социального неприятия данного феномена и вовлечения различных акторов в поиск ее адекватных решений.

Сформулированные подходы систематизированы по различным основаниям, которые позволяют выявлять зоны наиболее интенсивного воспроизводства насилия, требующие применения моделей регулирования,

определять уровни взаимовлияния в структуре социума и социального управления, формировать наиболее эффективную систему профилактики и противодействия гендерному насилию.

Предлагаемая система базируется на научно обоснованных принципах и включает в качестве элементов методы преодоления насилия, способы его профилактики, а также направления и формы его социально-правового регулирования.

Выделим следующие основные принципы:

- принцип скоординированного равноправного участия государственных и негосударственных структур обеспечивающий мобилизацию общественного сознания с целью формирования консолидированного мнения и неприятия любых форм гендерного насилия;
- включение в разработку адекватных решений и их реализацию максимально широкого круга акторов с обязательным взаимным информированием и согласованием действий всех участников;
- принцип многоуровневости, предполагающий функционирование системы на индивидуальном, групповом и институциональном уровне, а также на уровне отдельных локаций, территорий, субъектов, государств с установлением границ ответственности в пределах их компетенции;
- принцип комплексности и междисциплинарности исследований гендерного насилия и его проявлений в различных сферах, включающих диагностику состояния социальной системы и ее компонентов;
- принцип регулярности исследований по системе утвержденных критериев для обеспечения возможности отслеживания динамики этих показателей (мониторинг);
- принцип синхронности, т.е. одновременности применения методов, способов, форм и направлений работы на всех уровнях социальной организации.

В международном сообществе сложилось определенное понимание проблемы насилия над женщинами: она больше не является частным делом, насилие в отношении женщин – это социальная проблема, отклоняющееся поведение, уголовное преступление, проблема правосудия, общественного здравоохранения и нарушения прав человека. В 2018 г. в России (по данным Росстата) в результате преступных посягательств погибли 8300 женщин. После фактической декриминализации семейного насилия получить и проанализировать официальную статистику МВД стало практически невозможным из-за отсутствия таковой. Исходя из проведенных автором интервью в ряде субъектов Российской Федерации с экспертами служб, которые работают с жертвами насилия в семье, декриминализацию следует рассматривать как решение, повлекшее за собой негативные эффекты, в частности, отсутствие официальной статистики и невозможность количественной оценки масштаба проблемы. Это, в свою очередь, будет препятствовать оценке эффективности предпринимаемых против гендерного насилия мер. Кроме того, уголовная ответственность – одна из превентивных мер для людей, склонных к насильственным действиям, в том числе и в семейных отношениях, а отсутствие наказания неизбежно приводит к эскалации конфликтов, нанесению большего вреда здоровью жертвы насильственных действий. Одна из постоянных характеристик гендерного насилия в семье – его стадийность и цикличность. Как правило, цикл состоит из четырех основных стадий: нарастание напряжения, насильственный инцидент, примирение, «медовый месяц». Насильственные действия будут неизбежно повторяться, но с каждым разом последствия и масштабы проблемы будут значительнее в виду закрепления насильственного паттерна как способа решения семейных проблем, психологической разрядки и подчиненного положения жертвы.

В 2019 г. начальник Главного управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации МВД России

генерал-лейтенант полиции Ю. Валяев привел следующие цифры: в России каждое третье убийство совершается в сфере семейно-бытовых отношений; насильственные действия в той или иной форме происходят в каждой четвертой семье; 70% семейно-бытовых преступлений совершается в отношении женщин и детей¹.

Все эксперты подтвердили тезис о том, что чаще всего от жестокого обращения в семье страдают женщины, затем дети и члены семьи старше 60 лет. По ряду причин гендерное насилие в отношении пожилых является наиболее латентным: люди старшего возраста сами практически никогда не обращаются за помощью, особенно если они взаимодействуют только с социальными работниками. Иногда обращение невозможно из-за маломобильности и в целом плохого состояния здоровья. Также эксперты отмечают, что не редки случаи очень сложных детско-родительских отношений, которые стали катализатором физического и психологического насилия по отношению к пожилым.

Таким образом, мы пришли к выводу, что профилактические меры должны быть реализованы на разных уровнях: нам думается, что один из путей реализации мер профилактики – работа с детьми и подростками в школах. Как универсальные, так и селективные программы, как правило, сосредоточены на развитии коммуникативных навыков на индивидуальном уровне ребенка, хотя некоторые включают дополнительные компоненты, которые нацелены на развитие практик, позволяющих лучше понимать свои эмоции и сосредотачиваться на них, навыков саморегуляции, решения социальных проблем, навыков просоциальной дружбы. Подобные программы могут остановить воспроизводство насильственных действий, избавляя детей и подростков от отрицательных паттернов. Программы могут реализовываться силами волонтеров, задействованных в некоммерческом

¹ Журнал МВД «Полиция России», Выпуск № 5, 2019., С. 11-14 Режим доступа: https://мвд.рф/journal_list/magazine/item/16779114.

секторе, школьными психологами, психологами кризисных центров и НКО, работающими с пострадавшими от семейного насилия.

По нашему мнению, для эффективного реагирования на проблему семейного насилия необходимы просветительские кампании для разных целевых групп (предотвращение семейного насилия, уменьшение масштабов данного явления, недопущения повторных случаев в тех семьях, в которых уже были подобные ситуации).

Далее, профилактические меры и меры реагирования могут реализовываться на микроуровне с применением телефонного консультирования, оказания помощи в кризисном центре, социального патронажа, предоставления убежища пострадавшим, коррекционной работы с авторами насильственных действий. Ряд экспертов отметили необходимость формирования и поддержки межведомственного взаимодействия государственных структур с вовлечением некоммерческого сектора.

Рис. 6 Модель профилактики гендерного насилия

Одним из самых дискуссионных аспектов данной проблемы является вопрос о принятии законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». Основываясь на проведенных экспертных интервью, можно сделать вывод о том, что аналог охранного ордера (защитного предписания) – это не способ вмешиваться во внутрисемейные отношения, а возможность для пострадавших от гендерного насилия в семье получить защиту. Именно поэтому на макроуровне должна быть сформирована четкая законодательная база, способная стать отправной точкой для создания системы профилактики гендерного насилия и эффективному противодействию ему.

Рис. 7. Модель помощи пострадавшим от гендерного насилия в семье

В ходе работ нами был сделан вывод о двойственном характере дискурса гендерного насилия в современной России, заключающийся в фактическом противоречии двух тенденций. Первая идет в духе общемировых интенций, направленных на снижение показателей гендерного насилия, формирования атмосферы его неприятия, соблюдения прав человека и установление гендерного равноправия. Другая тенденция, заключающаяся в популяризации традиционных семейных ценностей, основанных на традиционных, во многом, патриархальных установках, имеет фактически обратную направленность. Указ декриминализации побоев в отношении близких также является одним из экспонентов данной тенденции. Для характеристики данного тезиса обратимся к результатам исследования, проведенного при участии автора в ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» в 2020 году. Целью данной работы было выяснение господствующих установок относительно возможных моделей семейной жизни.

Выборка составила 1086 человек, из них 70% девушек/женщин и 30% юношей/мужчин в возрасте от 18 до 46 лет; 50,3% – не женаты / не замужем, 33,1% – состоят в отношениях, но не проживают совместно с партнером(шей), 10,8% – состоят в неофициальном союзе (сожительстве), всего 5,8% – состоят в зарегистрированном браке.

Задачи исследования:

1. анализировать отношение студенческой молодежи к семье и различным формам семейного (супружеского, детско-родительского, межпоколенного) взаимодействия;
2. выявить репродуктивные установки студенческой молодежи;
3. конкретизировать круг ключевых субъектов семейной заботы, по мнению студенческой молодежи;
4. определить основные источники знаний студенческой молодежи о семье и семейных отношениях;

установить роль государства в формировании и функционировании современной семьи с позиций студенческой молодежи.

Стабильные партнерские отношения занимают главенствующую позицию в структуре жизненных приоритетов молодежи – 60,8% студентов отметили данный показатель наивысшей оценкой «10». Так, 40,6% из тех, кто не состоит в актуальных брачных/ партнерских отношениях, отмечают преимущества одиночества (уточняя, что так намного проще, поскольку нет необходимости постоянно приспосабливаться к другому человеку), однако, с другой стороны, 70,3% из них с удовольствием нашли бы себе пару.

Исходя из гипотезы о существовании двух независимых латентных факторов – ориентации на традиционную и эгалитарную модели семьи, – был также проведен факторный анализ.

Для оценки качества построенной факторной модели используются критерий адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина и критерий сферичности Бартлетта, проверяющий гипотезу о том, что переменные,

участвующие в факторном анализе, не коррелируют между собой¹. Объясняющая способность модели – 38%. Для социологических исследований данная модель считается пригодной для анализа.

Было выделено 2 группы факторов, характеризующих модели семьи. Согласно фактору (1), определяющему традиционную модель, семья должна основываться на браке – зарегистрированном, пожизненном союзе мужчины и женщины. Не менее важным субинститутом семьи является родительство, поэтому традиционную модель описывают следующие суждения, касающиеся семейно-детного образа жизни: «семья не может быть счастливой без детей», «у женщины и мужчины должен быть хотя бы один ребенок», «в семье должно быть много детей». Факторная нагрузка второго суждения выше. Это позволяет сделать вывод, что сегодня понятие традиционной семьи меняется и не обязательно характеризуется многодетностью, однако наличие детей по-прежнему остается важнейшим условием существования данной модели семейных отношений.

Создание семьи важнее для женщины, чем для мужчины, при этом во главе семьи должен стоять именно мужчина. Уход и забота о ребенке является первоочередной задачей матери, поэтому выход на работу до достижения ребенком 3-летнего возраста может негативно сказаться на нем. Неполная семья, неучастие мужчины в жизни ребенка также может негативно сказаться на его развитии. Традиционная модель семьи подчеркивает взаимосвязь брачности и сексуальности, что подтверждается суждением «первым сексуальным партнером женщины должен быть муж». Отмечается гендерное неравенство в интимной сфере: «инициатором сексуальных отношений должен быть мужчина», «задача женщины в постели – угодить мужчине».

¹ Критерий КМО > 0,5, что свидетельствует о приемлемой адекватности, факторный анализ применим к данной выборке. Критерий сферичности Бартлетта < 0,05, то есть данные вполне приемлемы для проведения факторного анализа.

Фактор (2), определяющий эгалитарную модель, ориентирован на равное участие обоих партнеров в семейной и общественной жизни. Мужчина, как и женщина, должен участвовать в работе по дому. Нет ничего зазорного, если он берет на себя большую часть домашних обязанностей. Мужчина должен активно включаться в воспитание ребенка и уход за ним. Партнеры в равной мере ответственны за материальное благополучие семьи. Допустимо, если женщина зарабатывает больше мужчины. Карьера, как и семья, важна для обоих. В данном факторе делается акцент на межличностных отношениях, что выражается в следующих суждениях: «над отношениями в семье должны работать оба партнера», «муж не может ударить жену, даже если она это заслужила», «физическое наказание детей недопустимо даже для поддержания дисциплины».

Полученные факторные значения были ранжированы по степени выраженности каждого фактора на четыре группы, где 1 – выраженность фактора отсутствует, 2 – слабая выраженность, 3 – сильная выраженность, 4 – очень сильная выраженность. Самые высокие показатели по шкале «традиционность» демонстрируют юноши (2,7 балла), а по шкале «эгалитарность» – девушки (2,7 балла). Стоит отметить статистически значимую разницу во взглядах юношей и девушек на эгалитарную модель семьи (2,0 балла против 2,7 баллов).

В целом студенты стремятся к трактовке семьи как «договорного союза»¹, основанного на взаимной привязанности и обязательными составляющими которого являются уважение (84%), любовь (79,6%), взаимную ответственность (78,7%), совместное проживание партнеров/супругов (55%), общность интересов (47,8%), сексуальные отношения (41,2%), регистрацию брака (38,1%). Среди желательных компонентов были названы наличие общего бюджета и имущества (46,4%), детей (42,3%) и

¹ Голод С.И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. №2. С. 106-119.

обоих родителей (38,4%). Факультативным условием считается венчание брака (в соответствии с вероисповеданием) – 61,9%, соответственно.

Студенческое сообщество в целом лояльно относится к различным формам семьи, брака, интимных отношений и родительства (практикуя часть из них¹ или считая их абсолютно допустимыми), в частности, к усыновлению детей и приемному родительству (58%), сожительству без детей (53%) и с детьми (40,1%), добрачным сексуальным связям мужчин (48,9%) и женщин (43,6%) и использованию средств контрацепции (69,9%), использованию репродуктивных технологий ЭКО, суррогатное материнство и т.п. (44,2%), позднему материнству (после 35 лет) (38,7%). Неоднородные оценки получили такие явления, как разводы, аборты и осознанное материнское монородительство.

К многодетным семьям студенчество также демонстрирует неоднозначное отношение. С одной стороны, подчеркиваются отрицательные свойства многодетности: она представляет собой фактор риска бедности (45,3%), подчеркивается ее иждивенческий характер, зависимость от государственной поддержки, пособий (24,3%), кроме того, она может ограничивать свободу родителей (26%) и в особенности исключить/существенно снизить карьерные возможности, самореализацию женщин-матерей (23,8%). Еще отмечается, что в многодетных семьях дети получают меньше внимания, подарков и заботы родителей, чем дети из малодетных семей (18,5%), повышается угроза внутрисемейной напряженности и конфликтности (18%). С другой – именно в многодетных семьях дети менее избалованы и более самостоятельны, чем дети из малодетных семей (56,4%), в целом в таких семьях склонны поддерживать друг друга, в них нет места эгоизму (40,6%). Помимо этого, 18,5% респондентов считают, что многодетные семьи пользуются уважением в обществе. Тезис о

¹ Так, доля студентов, состоящих в сожительстве, составляет 10,8%, в партнерских отношениях (без совместного проживания) – 33,1%, из них 46,6% собираются съехаться в течение следующего года, и лишь 10,1% от числа всех респондентов, не состоящих в официальном браке, намереваются зафиксировать свои отношения в течение ближайших 12 месяцев.

безответственности многодетного родительства поддержали лишь 5,5% студентов.

Резко негативно опрошенные студенты отзываються о супружеских изменах мужчин (81,8%) и женщин (85,6%), гомосексуальных связях (40,6%).

Несмотря на тенденцию дифференциации субинститутов брака, родительства, родства¹, широкого распространения и популяризации добрачных и внебрачных партнерских отношений (сожителъств²), 37,8% респондентов считают именно официальную регистрацию брака моментом создания семьи; на втором месте (26,5%) – начало совместного проживания, на третьем (20,7%) – устная договоренность в паре.

При этом главным условием создания семьи 84,3% студентов назвали наличие сильного чувства. Немаловажными факторами также считаются наличие стабильного дохода хотя бы у одного из партнеров (51,4%) и наличие у пары собственного жилья (49,4%).

Следует обратить внимание на значительное снижение ценностимнения родителей и окружения при выборе (брачного) партнера, отмирание института сватовства³ – среди всех потенциально значимых условий создания семьи указанное имеет самый низкий рейтинг.

В качестве еще одних важных критериев создания семьи выступают стаж партнерских отношений, являющийся показателем стабильности, и оформление брачного контракта (45,6% студентов считают, что он нужен всем парам, еще 37,8% считают его особенно приемлемым для богатых

¹ Безрукова О.Н. Модели родительства и родительский потенциал: межпоколенный анализ // Социологические исследования. 2014. №9(365). С. 85-97; Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. – 325 с.; Дементьева И.Ф. Супружество и родительство: парадигма изменений семьи в условиях реформ // Теория и практика общественного развития. 2014. №2. С. 61-65; Савинов Л.И. Социология родительства // Вестник Мордовского университета. 2007. Т.17.№2. С. 119-127; Саралиева З.Х. Субинститут родительства в современных семейных системах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. №2(34).С. 118-123; Судьин С.А., Кутявина Е.Е., Курамшев А.В. Межпоколенные отношения в современной нижегородской семье // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. №3. С. 56-71; Янак А.Л. Трансформация родительства и отцовства в обществе постмодерна // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. №1. 118-126.

² Егорова Н.Ю., Шорыгин Е.А. Партнерство, семья и родительство в нарративах незарегистрированных пар // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т.18. №2. С. 239-254.

³ Голод С.И. Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. №3-4. С. 99-108.

людей, соединяющих не только свои сердца, но и собственность). По мнению представителей студенческой молодежи, 1-3 года достаточно для того, чтобы узнать партнера(шу) и принять решение о создании с ним/ней семьи (46,7%). При этом подчеркивается необходимость так называемого «пробного брака», т.е. предбрачного сожительства, способствующего бытовой «притирке» и позволяющего окончательно определиться, утвердиться в своем выборе, достичь взаимной уверенности (по мнению 81,2% опрошенных).

Ключевые причины отказа партнеров от регистрации отношений можно типологизировать по следующим критериям:

1) отсутствие брачной мотивации: нежелание брать на себя ответственность/ обязательства (58%) и терять свободу (55,5%), сомнение в чувствах и готовности к браку своих (39%) или партнера/ши (27,9%), в том числе в ситуациях, когда один из партнеров не хочет себя связывать данными узами, а второй вынужден смириться (39,5%), или сожитель(ница) интересуется исключительно как временный сексуальный, но не брачный партнер (43,6%), негативный опыт предыдущих отношений/ брака (30,7%);

2) нивелирование ценности брака: «если есть чувства, то штамп в паспорте не обязателен» (43,6%), «штамп в паспорте губит чувства людей» (8%);

3) статусные причины: материальная несостоятельность (45,6%); отсутствие одобрения родителей (9,9%), различия в социальных/ материальных статусах партнеров (5,2%).

Наблюдаются гендерные различия в представлениях относительно наиболее подходящего возраста вступления в брак/ создания семьи: для женщин он колеблется в интервале 21-24 лет (54,4% опрошенных), для мужчин – 25-29 лет (63,8%). Подобные ориентации соответствуют современному тренду в развитии семьи – откладываемое / отложенное супружество и родительство, предполагающее четкое планирование и этапизацию жизненных сценариев от получения образования, карьерного

дебюта, достижения стабильного дохода, приобретения отдельного жилья в собственность до заключения брачного союза и рождения детей¹.

Причем респонденты-юноши демонстрируют более лояльный взгляд на предпочтительный брачный возраст женщин: 43,9% считают таковым возраст от 25 лет и старше (против 41,2% в оценках студенток).

Резюмируя данный блок, можно выделить две модели семьи, которые отражают тенденции дискурса гендерного насилия: традиционную (патриархальную) и эгалитарную.

Первая модель характеризуется следующими чертами:

- семья должна основываться на браке – зарегистрированном, пожизненном союзе мужчины и женщины;
- дети как главная ценность семьи;
- создание семьи важнее для женщины, чем для мужчины, при этом во главе семьи должен стоять именно мужчина;
- уход и забота о ребенке является первоочередной задачей матери, поэтому выход на работу до достижения ребенком 3-летнего возраста может негативно сказаться на нем. Неполная семья, неучастие мужчины в жизни ребенка также может негативно сказаться на его развитии;
- взаимосвязь брачности и сексуальности; гендерное неравенство в интимной сфере, когда «задача женщины в постели – угодить мужчине».

Вторая модель имеет следующие черты:

- равное участие обоих партнеров в семейной и общественной жизни;
- мужчина, как и женщина, должен участвовать в работе по дому;
- мужчина должен активно включаться в воспитание ребенка и уход за ним;

¹ Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные практики в современной России // *Laboratorium*. 2010. №3. С. 19-43.

- партнеры в равной мере ответственны за материальное благополучие семьи, допустимо, что жена зарабатывает больше мужа;
- карьера, как и семья, важна для обоих;
- над отношениями в семье должны работать оба партнера;
- муж не может ударить жену, даже если она это заслужила;
- физическое наказание детей недопустимо даже для поддержания дисциплины.

Таблица 8.

Распределение ответов на вопрос «Какая же из этих моделей предпочтительна или занимает ведущее место в установках опрошенной молодежи?»

Суждения	Пол	Средний балл	
Традиционная модель семьи	юноши	2,6	2,7
	девушки		2,4
Эгалитарная модель семьи	юноши	2,4	2,0**
	девушки		2,7**

Как видно из представленных данных, опрошенные мужчины демонстрируют значительно большую приверженность традиционной модели, которая выступает имманентным фактором риска возникновения гендерного насилия и во-многом замешана на нем. Представления о нормативной многодетности, главенстве мужчины вне зависимости от грамотности принимаемых решений, приоритетность женщины в уходе за детьми, а также допустимость сексуальных принуждений, по сути, изнасилований в браке доминируют в структуре представлений о семье у современных молодых людей. Так же очевидно, что большинство опрошенных женщин с этим явно не согласны: вопрос о том, насколько они готовы к отстаиванию своих взглядов на семейную жизнь остается открытым.

В контексте нашего диссертационного исследования особую тревогу вызывает то обстоятельство, что в выборку данного исследования попали студенты одного из ведущих российских вузов, т.е. наиболее успешная и прогрессивная часть российской молодежи. Факт, что опрос, проведенный в другой социальной среде, дал бы куда более радикальный разброс, очевиден. Это станет одним из перспективных направлений наших дальнейших исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью представленного диссертационного исследования было выявление особенностей проявления гендерного насилия в современной российской молодой семье как основы для разработки мер по его снижению и профилактике. Категория «гендер», традиционно понимаемая в контексте дихотомии биогенетических и социогенетических переменных пола, все же не может рассматриваться в отрыве от своих физиологических составляющих. Поэтому анализ феномена гендерного насилия производился нами с позиций био-психо-социального подхода к природе человека, показывающего возможности и риски генерации гендерного насилия на каждом из этих уровней организации личности.

В качестве рисков на биологическом уровне необходимо отметить различные психические нарушения или изменения в структурах головного мозга, обуславливающие агрессивное поведение, которое может быть направлено на непосредственное окружение. С учетом большей виктимности женщин, их неспособности дать адекватный отпор физической агрессии, логично предположить, что именно они становятся преимущественными жертвами такого поведения, что дает возможность характеризовать это насилие как гендерное. В качестве недостатков данного подхода как возможной методологической основы диссертационного исследования, отметим, что, во-первых, такие нарушения могут быть и у женщин, а, во-вторых, возможности социального воздействия на субъектов насилия будут ограничены контролем за приемом лекарств, воздействующими на основное заболевание. К биологическим объяснениям гендерного насилия относятся также результаты исследований поведения животных в ходе естественного отбора и попытки его экстраполяции на человеческое сообщество.

Психологический подход акцентирует внимание на патологических чертах личности как дефектах воспитания и социализации. Проявления целого ряда пограничных расстройств личности, таких, как психопатии и акцентуации характера также включают в себя высокий уровень

агрессивности и склонности к проявлениям гендерного насилия. Другой группой психологических объяснений, сближающих их с социологическими, являются положения бихевиоризма, с позиции которых гендерно-насильственные действия могут рассматриваться как усвоенные с детства способы решения конфликтов и трудных жизненных ситуаций. Данный подход хорошо объясняет механизмы межпоколенной трансляции и приемлемости гендерного насилия как модели семейного поведения.

Социальный уровень генерации гендерного насилия основан на различных формах взаимодействия между отдельными личностями, социальными общностями и социальными институтами с учетом факторов внешней среды, так или иначе оказывающих на него воздействие. На социальном уровне организации мы рассмотрели гендерное насилие в рамках системного, феминистского, социально-экологического и социально-экономического подходов. Ограниченность системного подхода обусловлена необходимостью признания неоднозначности роли женщины как объекта гендерного насилия. Характеристики системного взаимодействия как такового предполагают возможность извлечения жертвой насилия пусть неочевидной, но все же выгоды, что противоречит духу научного дискурса исследуемого феномена на современном этапе.

Феминистский подход отличается крайним радикализмом в понимании гендерного насилия, преодоление которого возможно лишь при разрушении фундаментальных основ общественного строя – патриархальности и мужской гегемонии. Согласно данной теории, привилегированное положение мужчин сложилось в глубокой древности, было основано на физическом превосходстве и поддерживалось социальными институтами. В силу этих причин феминистский подход представляет собой сомнительную базу для решения вопросов, поставленных в нашем диссертационном исследовании, однако не может быть не упомянут нами в силу своей популярности, обеспечившей социальное конструирование проблемы гендерного насилия и популяризацию данной темы в научном и общественном обсуждении.

Социально-экономический и социально-экологический подходы, наряду с бихевиоризмом, были взяты нами в качестве теоретико-методологической базы диссертации. Рассмотрение гендерного насилия с позиции неравномерного распределения ресурсов в семье представляется нам наиболее адекватной схемой для его понимания и объяснения, что было подтверждено полученными эмпирическими данными. Как показали результаты исследования, такие переменные, как высокий уровень образования женщины, трудовая занятость и хороший доход являются важнейшими факторами снижения виктимности в ситуациях возможного гендерного насилия. Они уменьшают субъективную ценность брака, выступающего как жизнеобеспечивающий фактор, заставляющий мириться с проявлениями гендерно-насильственного поведения.

В рамках социально-экологического подхода мы оценили влияние факторов природной среды и иных внешних обстоятельств на показатели гендерного насилия. Среди таковых на первом месте оказалась пандемия CoViD-19, точнее, карантинные меры, радикально изменившие быт большинства российских семей. Вынужденное пребывание в четырех стенах в совокупности с материальными трудностями создали условия для роста показателей гендерного насилия в современной российской семье, что и было продемонстрировано полученными эмпирическими данными.

Специфика гендерного насилия в России продемонстрирована на основе кросскультурного анализа. Очевидно, что в нашей стране эти практики не носят черт национальных традиций и представляют собой девиантные формы семейного взаимодействия. Отмечено, однако, что для отечественной культуры характерен высокий уровень приемлемости гендерного насилия, что выражается в непризнании ряда гендерно- насильственных практик таковыми, сокрытии значительной части его случаев и отсутствии культуры обращения в специализированные организации (кризисные центры).

Усугублению ситуации с гендерным насилием в семьях способствуют два основных обстоятельства. Первое заключается в фактической декриминализации насилия в отношении близких родственников. Статья 116 УК РФ, устанавливающая ответственность за нанесение побоев, перестала распространяться на близких родственников, которым эти побои были нанесены. Несмотря на то, что понятие «близкие родственники» не имеет в законе четкого определения, данная мера имела однозначно негативные эффекты, поскольку административные правонарушения предусматривают иную ответственность и иные правовые последствия для их субъектов.

Важным выводом диссертации является тезис о выявленной двойственности дискурса гендерного насилия в современной России, которая заключается в противоречии двух основных тенденций: либерально-правовой и консервативной. Первая идет в русле европейского и американского дискурса гендерного насилия и выступает за равноправие мужчин и женщин, осуждение любых форм абьюзивного поведения, то вторая отражает результаты активной пропаганды традиционных ценностей консервативной модели семьи, в основе которой лежит подчинение и иные практики несимметричных гендерных отношений.

Одним из основных результатов диссертационного исследования стали предложенные нами модели профилактики гендерного насилия и работы с его жертвами. В основе первой модели лежит предположение о необходимости социального конструирования проблемы путем комплексной пропаганды недопустимости любых форм гендерно-насильственного поведения – от просвещения в школе до информирования в зрелом возрасте. На законодательном уровне конструирование проблемы будет заключаться в обратной криминализации побоев в отношении близких родственников путем внесения соответствующих изменений в статью 116 УК РФ. Модель помощи пострадавшим от гендерного насилия включает в себя и работу с его субъектами, которые также могут рассматриваться как жертвы нарушенной семейной социализации. Другим важным условием помощи может стать

межведомственное взаимодействие, интегрирующее усилия социальных, медицинских, правозащитных организаций и правоохранительных органов.

Таким образом, можно заключить, что гипотеза диссертационного исследования полностью подтвердилась и цель работы достигнута.

Можно указать следующие перспективные направления развития темы диссертационного исследования:

1. Изучение форм проявления гендерного насилия в других сферах социального функционирования: в трудовой деятельности, образовании, гражданской активности;
2. Исследование особенностей динамики гендерно-насильственного поведения в семье с учетом изменения возраста и социально-экономического положения партнеров;
3. Изменение традиционной феминистской ориентации в исследованиях гендерного насилия;
4. Анализ роли информационных технологий в динамике гендерно-насильственного поведения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации».
2. Федеральный закон № 8 ФЗ «О внесении изменений в статью 116 Уголовного Кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Справочная правовая система КонсультантПлюс. Дата обращения: 17.01.2021.
3. Абгаджав Д.А., Петрова Н.В. Насилие и конфликт в межкультурном взаимодействии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып.3. С. 402–413. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.308>.
4. Антонов А.И. О стратегии и тактике семейно-демографической политики в связи с институциональным кризисом семейных функций и людских ресурсов // Семья в современном обществе / под ред. С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской. М.: Экон-Информ, 2018. С. 15-20.
5. Баллаева Е.А., Писклакова-Паркер М.П. Институциональные факторы насилия в семье. В книге: Женщины России XXI века. Гендерные исследования. РАН, Институт социально-экономических проблем народонаселения, Научный совет по проблемам гендерных отношений. Москва, 2016. С. 82-92
6. Бандура А. Теория социального научения. — СПб: ЕВРАЗИЯ, 2000. — 320 с.
7. Безвербная Н. А., Шевцова О.С. Насилие в молодой семье как социальный феномен // Молодежь. Семья. Общество: Сборник научных статей / Под общей редакцией Т.К. Ростовской. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2019. – С. 60-67.

8. Безрукова О.Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 118-130.
9. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. 512 с.
10. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб., 2001. – 510 с.
11. Брайцева Е.А. Домашнее насилие: мужчины также могут быть ЖЕРТВАМИ // Социология и социальная работа Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2007, № 1 (6), с. 14–19
12. Брайцева Е.А. Женское супружеское насилие: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2008. С. 22
13. Бурдьё П. Воспроизводство: элементы теории системы образования / Пьер Бурдьё, Жан-Клод Пассрон; [пер. Н. А. Шматко]; Моск. высш. шк. социал. и экон. наук. М.: Просвещение, 2007. — 267 с. — (Образование: мировой бестселлер). — ISBN 5-09-014104-5.
14. Василенко Л.А., Колесникова Л.А., Писклакова-Паркер М.П. Применение концепции фрактальности к исследованиям деструктивных процессов методами клинической социологии // Человеческий капитал. 2012. № 9 (45). С. 62-67.
15. Васильева Е.Н., Ростовская Т.К., Сулейманлы А. Демографические угрозы национальной безопасности в политическом дискурсе РФ (1992-2019) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 2. С. 255-272.
16. Вишневский А. Г. Эволюция российской семьи // Экология и жизнь. 2008. № 7. С. 8-13.

17. Голод С.И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. №2. С. 106-119.
18. Гурко Т.А. Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 2. С. 65-80.
19. Егорова Н.Ю., Сизова И.Л. Распределение трудовых и домашних обязанностей в современной семье // Личность. Культура. Общество. 2014. Т. 16. № 1-2. С. 204-212.
20. Егорова Н.Ю., Сизова И.Л. Имеет ли российская семья шанс стать солидарной? // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 97-102.
21. Егорова Н.Ю., Янак А.Л., Рябинская Е.С. Родительские роли в современной российской семье: границы «мужского» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 233-251.
22. Доброхлеб В.Г., Ефанова О.А., Махрова О.Н. Гендерное равенство и социальные инновации в современной России // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. № 3-4. С. 5-14.
23. Доброхлеб В.Г. Об обеспечении гендерного равенства в России // Народонаселение. 2008. № 2 (40). С. 159-161.
24. Доброхлеб В.Г., Римашевская Н.М., Русанова Н.Е., Хоткина З.А., Лунякова Л.Г. Гендерные стереотипы и проблемы. В книге: Народонаселение современной России: риски и возможности. Коллективная монография. Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. Москва, 2013. С. 201-215.
25. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. — М.: Канон, 1995. — 352 с.
26. Исупова О.Г. Материнская карьера: дети и трудовые стратегии // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 185-194.

27. Калабихина И.Е. Домашнее насилие в отношении женщин в современной России: влияние социально-демографических характеристик супругов на распространенность насилия [Текст] / И.Е. Калабихина, В.А. Козлов // исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2009. – т. 1, № 1. – с. 62–84.
28. Калабихина И.Е. Домашнее насилие в отношении женщин в современной России: влияние социально-демографических характеристик супругов на распространенность насилия [Текст] / И.Е. Калабихина, В.А. Козлов // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2009. – т. 1, № 1. – с. 62–84.
29. Капитонов Э.А. Социология XX века. — Ростов-на Дону: Изд. Феникс, 1996.
30. Клещина И.С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 29-41.
31. Козер Л. Функции социального конфликта. — М.: Изд-во «Идея-пресс», 2000. – 205 с.
32. Кон И. С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Постклассические гендерные исследования: коллективная монография. / Отв. ред. Н. Х. Орлова. — СПб.: Изд-во СПбУ, 2011. — 200 с. — С. 8–32.
33. Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е. Социология: парадигмы и темы. Курс лекций для высших учебных заведений. Моск. Гос. Ин-т междунар. Отношений (МГИМО-Университет) - М.: Изд-во Анкил, 1997. – 404 с.
34. Кулабухов Д.А., Мозговая Е.И., Волкова О.А., Ананченкова П.И. Пандемия COVID-19 как фактор трансформации домашнего насилия // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29. № 1. С. 41-45.
35. Лоброзо Ч. Гениальность и помешательство. М: АСТ, 2019. – 384 с. – ISBN 978-5-17-112606-3.

36. Мид Дж.Г. Интернализированные другие и самость / Дж.Г. Мид // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 224–227.
37. Милованов К. Ю. Социально-философская доктрина и педагогические взгляды Джона Локка. Проблемы современного образования. 2017. № 4 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.pmedu.ru>
38. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / под ред. Этьенна Г. Круга и др.; пер. с англ. М.: Весь Мир, 2003. С. 26.
39. Окно в русскую частную жизнь: Супруж. пары в 1996 г. / Наталья Римашевская, Дана Ванной, Марина Малышева и др.; Ин-т соц.-экон. пробл. народонаселения Рос. акад. наук. - М.: Academia, 1999. - 271 с.
40. Палмер Л., Палмер Дж. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo Sapiens. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. – 384 с.
41. Парсонс Т. О структуре социального действия. — М.: Академический Проект, 2000. — 880 с. ISBN 5-8291-0016-9.
42. Пашукова Т. И., Тер-Акопова А. С. Теоретический анализ становления понятий гендера и гендерной идентичности в психологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. [Сер.:] Образование и педагогические науки. 2012. № 640. С. 122-132.
43. Преступность среди социальных подсистем. Новая отрасли и отрасли криминологии / Под ред. Д.А.Шестакова. СПб.: Изд. «Юридический центр Пресс», 2003.
44. Пушкарева Н.Л. Историческая феминология, женская и гендерная история: итоги и перспективы // Женщина в российском обществе. 2002. № 2-3. С. 32-37.
45. Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М. и др. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году. М.: Academia, 1999. - 272 с.
46. Римашевская Н.М., Малышева М.М., Морозова Т.В., Писклакова-Паркер М.П. Транспоколенческое насилие в семьях // Народонаселение. 2017. № 1 (75). С. 65-78.

47. Римашевская Н.М., Малышева М.М., Морозова Т.В., Пискалова-Паркер М.П. Домашнее насилие: оценка российскими домохозяйствами // Народонаселение. 2016. №1 (71). С. 103-115.
48. Римашевская Н.М., Малышева М.М., Морозова Т.В., Пискалова-Паркер М.П. Гендерные представления и домашнее насилие в молодых семьях Карелии // Народонаселение. 2016. № 2 (72). С. 50-60.
49. Родина И.В. Социальная проблематизация насилия в семье. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. Специальность 22.00.04 - социальная структура, социальные институты и процессы. Москва, РГСУ, 2007 г.
50. Родина, И. В. Насилие в семье как социокультурный феномен // Соц. политика и социология. 2007. № 1. – 187-200
51. Ростовская Т. К., Безвербная Н.А. Насилие в отношении женщин: мировые тенденции. Женщина в российском обществе 2020. № 2. С. 89-98 DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.
52. Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Декриминализация семейного насилия: проблемные аспекты. Социальная среда и социальная политика: новые подходы и инновационные технологии. Серия «Демография. Социология. Экономика». Том 5, № 5 / Под редакцией чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., д.с.н., Ростовской Т.К., д.и.н., Саралиевой З.Х. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. – 255 с., С.177-184. ISBN 978-5-907233-03-4.
53. Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Семейное насилие как фактор риска для репродуктивного здоровья женщины. Здоровье как ресурс: V. 2.0 / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2019. – 908 с. С. 730-735.
54. Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Теоретические подходы к изучению гендерного насилия // В сб.: Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции. [Демография. Социология. Экономика]. - Под редакцией Рязанцева С.В., Ростовской Т.К., Москва, 2019. С. 306-311.

55. Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Теоретические подходы к изучению гендерного насилия. Национальные демографические приоритеты: подходы и меры ареализации. Серия «Демография. Социология. Экономика». Том 5. № 4 / Под редакцией чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., Ростовской Т.К. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. – 558 с., С. 306-311.
56. Ростовская Т.К., Калиев Т.Б., Завьялова Н.Б., Безвербный В.А. Профилактика насилия как фактор безопасности семьи: российский и казахстанский опыт. *Женщина в российском обществе*. 2018. № 1(86). С. 78-88. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.7
57. Румянцева П. Основные направления практической гендерной психологии // *Гендерные практики: описание, рефлексия, интерпретация: материалы V Международной межвузовской конференции молодых исследователей «Гендерные практики: традиции и инновации (10—12 ноября 2005 г.)»* / отв. ред. Т. А. Мелешко, И. И. Юкина. СПб.: Алина, 2007. С. 70—76.
58. Рябова Т.Б., Овчарова О.Г. Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 1 (78). С. 3-23.
59. Саралиева З.Х. Субинститут родительства в современных семейных системах // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2014. № 2 (34). С. 118-123.
60. Силласте Г. Г., Кожамжарова Г. Ж. Социальная дискриминация женщин как предмет социологического анализа. –СПб: Социс, 2007. С. 112-120.
61. Силласте Г.Г. Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 2. С. 3-16.
62. Синельников А.Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // *Социологический журнал*. 2018. Т.24. № 1. С. 95-113.
63. Сошникова И.В. Насилие в семье в современной России: социологический анализ Специальность 22.00.04 – Социальная структура,

социальные институты и процесс. ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького». Екатеринбург, 2011.

64. Сошникова И.В., Г.А. Чупина. Насилие в семье: социальные предпосылки и факторы риска // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 20 (201). Философия. Социология. Культурология. Вып. 18. С. 174–188.

65. Темкина А.А., Здравомыслова Е.А. Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 5. С. 15-38.

66. Федотова Н.Н. Конфликты, идентичность и диалог // Гуманитарные науки: теория и методология. 2011. № 3. С. 27-34.

67. Филиппов А.Ф. Полицейское государство и всеобщее благо: к истории одной идеологии. Статья первая // Отечественные записки. 2012. № 2. С. 328–340.

68. Флиивберг Б. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 127–136.

69. Хасбулатова О.А. Женское движение в современной России // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 14-26.

70. Хасбулатова, О. А., Смирнова, И. Н. Женское движение и государство: историко-социологический анализ / О. А. Хасбулатова, И. Н. Смирнова. — Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. — 236 с.

71. Хасбулатова О.А., Смирнова И.Н. Гендерные стереотипы в цифровом обществе: современные тенденции // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 2. С. 161-171.

72. Хоткина З.А., Доброхлеб В.Г., Русанова Н.Е. Гендерные проблемы в современной России и методология их анализа // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 4. — С. 135–149. DOI: 10.26653/1561–7785–2018–21–4–12.

73. Хоткина З. А. От итогов к перспективам: тридцатилетие российских гендерных исследований // Гендерные отношения в современном

мире: управление, экономика, социальная политика: материалы Международной научной конференции, Москва — Иваново — Плès, 16—18 мая 2019 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 18—25.

74. Чернова Ж.В. Специфика гендерных отношений молодых взрослых // Социологические исследования. 2012. № 7 (339). С. 118-127.

75. Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Дискурсивные модели современного российского родительства // Женщина в российском обществе. 2013. № 2 (67). С. 14-26.

76. Bachman R., Saltsman L.E. Violence against women: Estimates from the redesigned survey. 1996.

77. Babcock, J.C., J. Waltz, N.S. Jacobson and J.M. Gottman (1993). Power and Violence: The Relation Between Communication Patterns, Power Discrepancies, and Domestic Violence. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 61: 40-50.

78. Becker, G. S. (1965) «A Theory of the Allocation of Time», *Economic Journal*, 75: 493-519; Becker, G. S. (1973) «A Theory of Marriage: Part I». *Journal of Political Economy*, 81, 4: 813-846 pp.

79. Becker G.S., Landes E.M. and Michael R.T. An Economic Analysis of Marital Instability // *Journal of Political Economy*, December 1977, v.85, no.6, p.1141–1187.

80. Bishwajit G, Sarker S and Yaya S. Socio-cultural aspects of gender-based violence and its impacts on women's health in South Asia [version 1; referees: awaiting peer review] *F1000Research* 2016, 5:802 (doi: 10.12688/f1000research.8633.1).

81. Blondel Ch. *La Conscience Morbide: Essai De Psychopathologie Générale*. London: Wentworth Press, 2019. – ISBN 978-0353799615.

82. Branningan, A. (1997). Self-Control, Social Control and Evolutionary Psychology: Towards an Integrated Perspective on Crime. *Canadian Journal of Criminology*, 39: 403-431.

83. Brenes, M.Z. (2004). Domestic violence and household decision-making: evidence from East Africa. University of California, Berkeley.
84. Brown A.L., Testa M. Social influences on judgments of rape victims: The role of the negative and positive social reactions of others // *Sex Roles*. 2008. № 58 (7–8). P. 490–500.
85. Buss, D.M. and T.K. Shackelford (1997). Human Aggression in Evolutionary Psychological Perspective. *Clinical Psychology Review*, 17: 605- 619.
86. Chin, Y. (2007). Women' working status and physical spousal violence in India. Applied Microeconomics seminar at Michigan State University, and Cornell/Michigan International Labor Conference.
87. Collins R. Entering and leaving the tunnel of violence: Micro-sociological dynamics of emotional entrainment in violent interactions. *Current Sociology*. 2013; 61(2):132-151. doi:10.1177/0011392112456500
88. Cribb J, Barnett R (1999) Being bashed: Western Samoan women's responses to domestic violence in Western Samoa and New Zealand. *Gender, Place and Culture: A Journal of Feminist Geography* 6: 49-65.
89. Dobash R, Dobash R (1998) *Rethinking Violence Against Women*. Sage Publications, London.
90. Draper R, Burgess P. (1989) The explanations of violence: The role of biological, behavioral and cultural selection. *Family Violence* 11:59-116.
91. Dumas, D., G. Margolin and R.S. John (1994). The Intergenerational Transmission of Aggression Across Three Generations. *Journal of Family Violence*, 9: 157-175.
92. Dutton, D.G. and S.K. Golant (1995). *The Batterer: A Psychological Profile*. New York, NY: Basic Books, Inc.
93. Dutton, D.G. and A.J. Starzomski. (1994). Psychological Differences Between Court-referred and Self-referred Wife Assaulters. *Criminal Justice and Behavior*, 21:203-222.

94. Dutton, D.G., A.J. Starzomski. (1997). Personality Predictors of the Power and Control Wheel. *Journal of Interpersonal Violence*, 12(1): 70-82.
95. Ellis, L. (1998). Neo-Darwinian Theories of Violent Criminality and Antisocial Behavior: Photographic Evidence from Nonhuman Animals and a Review of the Literature. *Aggression and Violent Behavior*, 3: 61-110.
96. Else, L.T., S.A. Wonderlich, W.W. Beatty, D.W. Christie and R.D. Staton (1993). Personality Characteristics of Men who Physically Abuse Women. *Hospital and Community Psychiatry*, -59- 44: 54-58.
97. Emlen, S.T. (1997). The Evolutionary Study of Human Family Systems. *Social Science / Information sur les Sciences Sociales*, 36: 563-589.
98. Eron, L.D., J.H. Gentry and P. Schlegel, eds. (1994). *Reason to Hope: A Psychosocial Perspective on Violence and Youth*. Washington DC: American Psychological Association.
99. Gearan, P. and A. Rosenbaum (1996). Biological Factors in Relationship Aggression. In R.S. Fledman (ed.). *The Psychology of Adversity*. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, pp. 183- 198.
100. Gelles RJ (1989) Child abuse and violence in single-parent families: parent absence and economic deprivation. See comment in PubMed Commons below *American Journal of Orthopsychiatry* 59: 492-501.
101. Gelles, R.J. Determinants of violence in the family: Toward a theoretical integration / R.J. Gelles. M. A. Straus // *Contemporary theories about the family*. N.-Y., 1979.
102. Gracia, E., Herrero, J. Acceptability of domestic violence against women in the European Union: a multilevel analysis // *Journal of Epidemiology and Community Health* 2006: 60:123–129. DOI: 10.1136/jech.2005.036533.
103. Greene, A.F., C.J. Coles and E.H. Johnson (1994). Psychopathology and Anger in Interpersonal Violence Offenders. *Journal of Clinical Psychology*, 50: 906-912.

104. Hamberger L.K. Female Offenders in Domestic Violence: A Look at Actions in Their Context. *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*, 1997, 1, 115-127.
105. Hattendorf, J. and T.R. Tollerud (1997). Domestic Violence: Counselling Strategies that Minimize the Impact of Secondary Victimization. *Perspectives in Psychiatric Care*, 33: 14-23.
106. Heyman, R.E. and P.H. Neidig (1997). Physical Aggression Couples Treatment. In W.K. Halford and H.J. Markman (eds.), *Clinical Handbook of Marriage and Couples Interventions*. Chichester, England: John Wiley & Sons, Inc, pp. 589-617.
107. Herrnstein, Richard J. and Murray, Charles. *The Bell Curve: Intelligence and Class Structure in American Life*. Free Press: New York. 1996. p. 564.
108. Johnson M.P. Patriarchal Terrorism and Common Couple Violence: Two Forms of Violence Against Women. *Journal of Marriage and the Family*. 1995. Vol. 57, No. 2. P. 283-294
109. Kamblil, T.J., Kazi, Y.K., Chavan, Y.B., Velhal, G.D., & Aras, R.Y. (2013). Study to assess determinants of domestic violence among women in urban slum of Mumbai. *IOSR Journal of Dental and Medical Sciences*, Volume 8, Issue 4, pp. 18-22.
110. Kaufman, J. and E. Zigler (1987). Do Abused Children Become Abusive Parents? *American Journal of Orthopsychiatry*, 57: 186-192.
111. Kesner, J.E., T. Julian and P.C. McKenry (1997). The Application of Attachment Theory to Male Violence Toward Female Intimates. *Journal of Family Violence*, 12(2): 211-228.
112. Langhinrichsen-Rohling, J., P. Neidig and G. Thorn (1995). Violent Marriages: Gender Differences in Levels of Current Violence and Past Abuse. *Journal of Family Violence*, 10: 159-176.

113. Lloyd, S.A. and B.C. Emery (1994). Physically Aggressive Conflict in Romantic Relationships. In D.D. Cahn (ed.), *Conflict in Personal Relationships*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, pp. 27-46.
114. Mamdouh, H.M., Ismail, H.M., Kharboush, I.F., Tawfik, M.M., Sharkawy, O.G. Abdel-Baky, M., & Sallam, H.M. (2012). Prevalence and risk factors for spousal violence among women attending health care centers in Alexandria, Egypt. *EMHJ*. Vol. 18 No. 11.
115. Manser M. and Brown, M. (1979) "Bargaining Analysis of Household Decisions," in C. B. Lloyd, E. S. Andrews, and C. L. Gilroy, (eds.) *Women in the Labor Force*, New York: Columbia University Press.
116. Margolin, G., R.S. John, C.M. Ghosh and E.B. Gordis (1996). Family Interaction Process: An Essential Tool for Exploring Abusive Relations. In D.D. Cahn and S.A. Lloyd (eds.), *Family Violence from a Communication Perspective*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, pp. 37-58.
117. Marsh I, Cochrane J, Melville G (2004) *Criminal justice: An introduction to philosophies, theories and practice*. Psychology Press.
118. Maiuro, R.D. and D.H. Avery (1996). Psychopharmacological Treatment of Aggressive Behavior: Implications for Domestically Violent Men. *Violence and Victims*, 11(3): 239-261.
119. McElroy, M. and Horney, J. (1981) "Nash-Bargained Household Decisions: Toward a Generalization of the Theory of Demand," *International Economic Review*, 22, 2: 333-349
120. Milner J, Chilamkurti C (1991) Physical child abuse perpetrator characteristics: A review of the literature. *Journal of Interpersonal Violence* 6: 345-366.
121. Olson, L.C. (1997). On the Margins of Rhetoric: Audre Lorde Transforming Silence into Language and Action. *Quarterly Journal of Speech*, 83: 49-70.

122. Owuamanam, T.O., Akintoke, V.A. (2013). Influence of educational level and family type on domestic violence in Ekiti State, Nigeria. The Clute Institute International Academic Conference Breckenridge, Colorado USA.
123. Perry, B.D. (1997). Incubated in Terror: Neurodevelopmental Factors in the -Cycle of Violence. In J.D. Osofsky (ed.), *Children in a Violent Society*. New York, NY: Guilford Press, pp. 124-149.
124. Peters, J., Shackelford, T.K., & Buss, D.M. (2002). Understanding domestic violence against women: using evolutionary psychology to extend the feminist functional analysis. *Violence and Victims*, Volume 17, N2.
125. Pickett K, Wilkinson R (2010) *He spirit level: Why greater equality makes societies stronger*, Bloomsbury Publishing, USA.
126. Renzetti CM (1994) On dancing with a bear: reflections on some of the current debates among domestic violence theorists. *Violence Vict* 9: 195-200.
127. Rosenbaum, A. and S.K. Hoge (1989). Head Injury and Marital Aggression. *American Journal of Psychiatry*, 146: 1948-1951.
128. Rostovskaya, T.K., Bezverbnaya, N.A. Violence against women: Global trends. *Woman in Russian Society*, 2020, 2020(2), стр. 89–98. DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.8
129. Rostovskaya, T.K., Kaliev, T.B., Zavyalova, N.B., Bezverbnyy, V.A. Prevention of violence as a factor of family security: Russian and Kazakhstan experience. *Woman in Russian Society*, 2018, 2018(1), pp. 78–88. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.7.
130. Saunders, D.G. (1996). Feminist-cognitive-behavioral and Process-psychodynamic Treatments for Men who Batter: Interaction of Abuser Traits and Treatment Models. *Violence and Victims*, 11: 393-414.
131. Steinmetz K. S. The Battered Husband Syndrome. *Victimology*. 1977-1978. No, 3–4. P. 499-509.
132. Steinmetz S (1987) Family violence: Past, present, and future. Sussman M, Steinmetz S (Ed) *Handbook of marriage and the family*. New York: Plenum.

133. Straus, M.A. *Physical Violence in American Families: Risk Factors and Adaptations to Violence in 8,145 Families* / M.A. Straus, R.J. Gelles // Transaction Books. – NJ: New Brunswick, 1990.
134. Sztompka P. *Sociology: Analysis of modern society*. M.: Logos, 2005. 664 p.
135. Tauchen, H. V, Witte, A. D. and Long, S. K. (1991) «Domestic Violence: A Nonrandom Affair», *International Economic Review* 32, 2: 491-511.
136. Walker, L.E.A. (1984). *The Battered Woman Syndrome*. New York, NY: Springer; Walker, L.E.A. (1993). *The Battered Woman Syndrome as a Psychological Consequence of Abuse*. In R.J. Gelles and D.R. Loseke (eds.), *Current Controversies on Family Violence*. Newbury Park, CA: Sage Publications, pp. 133-153.
137. Walker, L.E.A. (1993). *The Battered Woman Syndrome as a Psychological Consequence of Abuse*. In R.J. Gelles and D.R. Loseke (eds.), *Current Controversies on Family Violence*. Newbury Park, CA: Sage Publications, pp. 133-153.
138. Warnken, W.J., A. Rosenbaum, K.E. Fletcher, S.K. Hoge and S.A. Adelman (1994). *Head-Injured Males: A Population at Risk for Relationship Aggression? Violence and Victims*, 9(2): pp. 153-166.
139. Wilson, M.I. and M. Daly (1996). *Male Sexual Proprietariness and Violence Against Wives*. *Current Directions in Psychological Science*, 5: 2-7.
140. WHO Library Cataloguing in Publication Data. *International health regulations (2005) - 2nd ed.* 1. Legislation, Health. 2. Communicable disease control - legislation. 3. Disease notification - legislation. 4. International cooperation. I. World Health Organization. II. Title: IHR (2005). ISBN 978 92 4 458041 7
141. World Health Organization: *WHO Multi-country Study on Women's Health and Domestic Violence Against Women*. Geneva: WHO.

142. Yllö, K.A. (1993). Through a feminist lens: Gender, Power, and Violence. In R.J. Gelles and D.R. Loseke (eds.), Current Controversies on Family Violence. Newbury Park, CA: Sage Publications, pp. 47-62.

Интернет-ресурсы

143. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2588066/>

144. United Nations Economic and Social Affairs (2015). The World's Women 2015, Trends and Statistics, p. 159. (14)

145. United Nations Statistics Division Violence against Women data portal (unstats.un.org/unsd/gender/vaw/index.html) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://unstats.un.org/unsd/gender/vaw/> (date of access: 10.01.2020)

146. Walker L. The battered woman syndrome. N. Y.: Springer, 1984 [Electronic resource]. – Access mode: [http://yunus.hacettepe.edu.tr/~cin/Criticism%20of%20the%20Western%20Society%20&%20Civilization%20-%20Collection%205/Domestic%20Violence/Walker%20-%20The%20Battered%20Woman%20Syndrome%20\(2009\).pdf](http://yunus.hacettepe.edu.tr/~cin/Criticism%20of%20the%20Western%20Society%20&%20Civilization%20-%20Collection%205/Domestic%20Violence/Walker%20-%20The%20Battered%20Woman%20Syndrome%20(2009).pdf)

147. Домашнее насилие в условиях COVID-19 в России. Доклад семи организаций по защите прав женщин. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wcons.net/wp-content/uploads/2020/07/Doklad-o-domashnem-nasilii-v-usloviyah-COVID-19-v-Rossii-2020-god.pdf>

148. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics>

149. Официальный сайт Росстат [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#

150. Скарантино Л.М. Насилие и великодушные: эпистемный подход // <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/em/em11/6.pdf>

151. Штомпка П. Социальное изменение как травма // <http://ecsocman.hse.ru/data/983/017/1220/1-Shtompka.pdf>

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Особенности и тенденции женской преступности в России // Социальное пространство. 2021. Т. 7. № 1. DOI: 10.15838/sa.2021.1.28.3 URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28857> 0,87/0,44.
2. Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Рост семейного насилия во время чрезвычайных ситуаций и пандемии COVID-19 // Вестник РГГУ. Серия Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 1. С. 111– 123. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-111-123.
3. Маньшин Р.В., Безвербная Н.А., Лукьянец Е.С. Социально-экономические и демографические последствия крупнейших природных и техногенных катастроф в мире в период с 1995 по 2019 гг. // ЦИТИСЭ. — 2021. — № 2. — С. 145-156. DOI: <http://doi.org/10.15350/2409-7616.2021.2.14>.
4. Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Экономическое насилие в семье: формы, индикаторы, последствия, профилактика // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. — 2021. — № 1. — С. 53- 64. DOI: 10.26653/2076-4685-2021-1-05.
5. Лукьянец А. С., Максимова А. С., **Безвербная Н. А.** Социально-демографические последствия техногенных катастроф в России в период 1990-2019 гг. // Вестник алтайской академии экономики и права, № 4-3. 2020. С. 371-377.
6. Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Насилие в отношении женщин: мировые тенденции // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 89-98.

7. Леденева В. Ю., **Безвербная Н. А.** Формирование образа мигранта в СМИ и социальных сетях на фоне эпидемии COVID-19 (по результатам контент-анализа интернет изданий) // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 3. С. 95-105.
8. Ростовская Т.К., **Безвербная Н.А.** Сущность и генезис государственной семейной политики Великобритании // Социальная политика и социология. 2019. Т. 18. № 2 (131). С. 125-133.
9. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., **Безвербная Н.А.** Состояние и перспективы семейной политики в России: социально-демографический анализ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 209–227. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.12 (WOS).
10. Ростовская Т.К., **Безвербная Н.А.** Реализация государственной семейной политики в субъектах российской федерации: опыт Ставропольского края // Вопросы управления. 2019. № 1 (56). С. 37- 44.
11. **Безвербный В.А., Безвербная Н.А.** Социологическое исследование социально-экономических и психологических факторов девиантного поведения населения г. Москвы // Вестник университета. 2017. № 11. С. 158-165.
12. **Безвербная Н.А.** Анализ коммуникативных стратегий НКО благотворительной направленности // Вестник университета. 2017. № 4. С. 162-167.
13. Максимова А.С. Моисеева Е.М., Маньшин Р.В., **Безвербная Н.А.** Демографические последствия крупнейших техногенных катастроф в России в период с 1990 по 2019 гг. // Наука. Культура. Общество // № 2. 2020. С. 82-92.
14. Рязанцев С.В., Храмова М.Н., **Безвербная Н.А.** XI Международный форум «Миграционные мосты в Евразии: вклад в миграции в

- социально-экономическое развитие» (5-6 декабря 2019 г.) // СОТИС - социальные технологии, исследования. 2020. № 1 (101). С. 7-8.
15. Пережогина М.И., **Безвербная Н.А.** Способы интеграции и адаптации мигрантов в сферах образования и здравоохранения в Российской Федерации // СОТИС - социальные технологии, исследования. 2018. № 7 (93). С. 106-110.
16. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., **Безвербная Н. А.** Взгляды поколений на реальные и идеальные семейные роли на постсоветском пространстве // Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019 – 2024 гг. в социальном развитии молодежи [Электронный ресурс]: Материалы Всероссийской научно- практической конференции (Москва, 20–21 апреля 2020 года) / Отв. ред. Т. К. Ростовская, ИСПИ ФНИСЦ РАН. – Электронн. данн.– М.: Издво Перспектива, 2020. С. 432-439. URL: <https://itdperspectiva.page.link/MolPol2020>.
17. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., **Безвербная Н. А.** Приоритеты семейно-демографической политики. Стратегия прорыва и цифровая реальность России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2019 году: коллективная монография // под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской. – М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2019. С. 533-552. 20 с.
18. Ростовская Т.К., **Безвербная Н.А.** Абортивное поведение в современной российской семье: гендерный аспект. Социальная динамика населения и устойчивое развитие: II Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием; Москва, 10 октября 2019 г.; МГУ имени М.В. Ломоносова: Сборник тезисов / под общ. ред. А.И. Антонова. – М.: МАКС Пресс, 2019. С. 106-108. (Электронное издание сетевого распространения).
19. Ростовская И.В., **Безвербная Н.А.** Учреждения органов по делам молодежи в механизме защиты прав несовершеннолетних //

- Международно-правовые аспекты семейного права и защиты прав детей: сборник статей по итогам V международной научно-практической конференции «Международно-правовые аспекты семейного права и защиты прав детей. Сравнительное частное право» / кол. авторов под ред. А. Е. Тарасовой. — Москва: РУСАЙНС, 2019. С. 191-200.
20. Безвербная Н. А., Шевцова О.С. Насилие в молодой семье как социальный феномен // Молодежь. Семья. Общество: Сборник научных статей / Под общей редакцией Т.К. Ростовской. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2019. – С. 60-67.
21. Моисеева Е.М., Лукьянец А.С., Маньшин Р.В., **Безвербная Н.А.** Взаимосвязь экономических и миграционных процессов в контексте глобального изменения климата // В сборнике: Молодежь в науке в предпринимательстве. Сборник научных статей VIII международного форума молодых ученых, посвященного 55-летию университета. Под научной редакцией Н. В. Кузнецова. 2019. С. 71-75.
22. Ростовская Т.К., **Безвербная Н.А.** Семейное насилие как фактор риска для репродуктивного здоровья женщины // Здоровье как ресурс: V. 2.0 / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2019. – 908 с. С. 738-744.
23. Ростовская Т.К., **Безвербная Н.А.** Декриминализация семейного насилия: проблемные аспекты. Материалы Динамика социальной среды как фактор развития потребности в новых профессионалах в сфере социальной работы и организации работы с молодежью / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2019. – С. 177-184.
24. Ростовская Т.К., **Безвербная Н.А.** Теоретические подходы к изучению гендерного насилия // Национальные демографические приоритеты: подходы и меры реализации. Серия «Демография.

- Социология. Экономика». Том 5. № 4 / Под редакцией чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., Ростовской Т.К. –М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. С. 306-311.
25. Ростовская Т.К., **Безвербная Н.А.** Многопоколенная семья в Российской Федерации и Французской Республике: сравнительный обзор // В сборнике: демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития. Сборник статей IX Уральского демографического форума. 2018. С. 270-275.
26. Безвербная Н.А. Репатриация старообрядческой общины в Российскую Федерацию: актуальные проблемы и перспективы. В сборнике: секуляризация в контексте религиозных изменений современного общества. Сер. "Демография. Социология. Экономика" под редакцией Глазьева С.Ю., Рязанцева С.В., Кублицкой Е.А. Москва, 2018. С. 298-301.
27. Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Многопоколенная семья России и США: сравнительный обзор // Семья в современном обществе. Серия «Демография. Социология. Экономика». Том 4, № 1 / Под редакцией чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., д. соц. н. Ростовской Т.К. – М.: Изд-во «Экон-информ», 2018. – С. 187-192. 0,3/0,15

Приложение 1.

Уважаемый респондент!

Мы просим Вас принять участие в этом опросе, заполнив анкету. Анкетирование проводится с целью выявления Вашего мнения о проблеме насилия в молодых семьях в московском регионе. Анкета состоит из 15 открытых и закрытых вопросов. Нам очень важно Ваше личное мнение по данным вопросам, ответы будут использоваться в обобщенном виде, поэтому указывать имя и фамилию не нужно.

Благодарим за помощь!

1. Укажите Ваш возраст

- до 20 лет
- 21-25 лет
- 26-30 лет
- старше 30 лет

2. Укажите Ваш уровень образования?

- неполное среднее
- среднее
- средне-специальное
- высшее
- продолжаю получать образование

3. Каков уровень Вашего семейного дохода?

- низкий
- ниже среднего
- средний
- выше среднего
- высокий

4. Есть ли у Вас дети? Если да, то сколько?

- да, ____
- нет

5. Работаете ли Вы?

- да
- нет

6. Что из перечисленного Вы бы отнесли к формам проявления насилия в семье?

- пощечины, пинки, толчки
- нанесения телесных ударов
- критика внешнего вида, манер, умственных способностей
- препятствия желанию работать и поддерживать связь с родственниками, друзьями
- совершение половых сношений против желания
- контроль семейного бюджета, требование отчета о финансовых тратах
- проявление ревности
- другой вариант ответа _____

7. Что на Ваш взгляд является причиной насилия в семье?

- злоупотреблением алкоголем
- химическая зависимость
- материальные и жилищные проблемы
- личная неприязнь
- опыт насилия в родительской семье
- несовершенство законодательства
- другой вариант ответа _____

8. Когда Вам впервые пришлось столкнуться с домашним насилием?

Ответ: _____

9. Скажите, пожалуйста, как часто Вы оказывались в ситуации домашнего насилия и как часто, когда кто-то из членов Вашей семье (ответ дайте, пожалуйста, по каждой строке):

1) Оскорблял или унижал Вас *

- Случалось /случается часто
- Случалось /случается редко
- Не случилось

2) Запрещал встречаться с друзьями и родственниками, препятствовал общению с ними *

- Случалось /случается часто
- Случалось /случается редко
- Не случилось

3) Кричал на Вас, угрожал побоями, запугивал *

- Случалось /случается часто

- Случалось /случается редко
- Не случилось

4) Толкал, щипал, выкручивал руки *

- Случалось /случается часто
- Случалось /случается редко
- Не случилось

5) Запрещал работать (искать работу), учиться или профессионально самореализовываться *

- Случалось /случается часто
- Случалось /случается редко
- Не случилось

6) Избивал, наносил побои, таскал за волосы *

- Случалось /случается часто
- Случалось /случается редко
- Не случилось

7) Отказывал в деньгах для приобретения необходимых вещей (еды, одежды, обуви, предметов гигиены и проч.) *

- Случалось /случается часто
- Случалось /случается редко
- Не случилось

8) Неоправданно жестоко наказывал детей, бил детей *

- Случалось /случается часто
- Случалось /случается редко
- Не случилось

9) Постоянно критиковал Вас (Ваших родственников) по различным поводам *

- Случалось /случается часто
- Случалось /случается редко
- Не случилось

10) Забирал деньги, запрещал самостоятельно распоряжаться личными деньгами *

- Случалось /случается часто
- Случалось /случается редко
- Не случилось

11) Вмешивался в личную жизнь, ревновал *

- Случалось /случается часто
- Случалось /случается редко
- Не случилось

12) Проявлял сексуальное насилие *

- Случалось /случается часто
- Случалось /случается редко
- Не случилось

10. Происходит ли это сейчас?

- да
- нет
- затрудняюсь ответить

11. Обращались ли Вы за помощью?

- да, куда именно _____
- нет

12. Как Вы считаете, какие виды насилия в молодой семье встречаются чаще?

- физическое (избиение, издевательства с применением силы)
- психологическое (оскорбления, угрозы, шантаж, запреты)
- сексуализированное
- экономическое (финансовая зависимость)
- другой вариант ответа _____

13. Как вы считаете, насилие в молодых семьях является:

- сугубо личной проблемой
- проблемой общества и государства

14. Какие Вы можете назвать государственные учреждения, социальные службы, общественные организации, помогающие в вопросе разрешения насилия в молодых семьях?

Вариант ответа _____

15. Какие меры, на Ваш взгляд, могут быть наиболее эффективными для профилактики домашнего насилия в семье? (может быть несколько ответов)

- Профилактические беседы в семьях

- Специальные образовательные программы в учебных заведениях
- Выделение преступлений в рамках домашнего насилия в отдельную статью Уголовного кодекса, ужесточение законодательства по фактам применения домашнего насилия
- Создание кризисных центров, приютов для пострадавших от домашнего насилия
- Пропаганда нетерпимого отношения к домашнему насилию в СМИ
- Экономические санкции для лиц, применяющих домашнее насилие (штрафы, принудительные работы)
- Работа телефонов доверия, дистанционных служб психологической помощи
- Затрудняюсь ответить
- Другие меры (какие)

Спасибо за ответы!

Приложение 2.

ГАЙД

СЕРИИ УГЛУБЛЕННЫХ ИНТЕРВЬЮ, ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ ПО ТЕМЕ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР ПРОФИЛАКТИКИ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гайд для проведения углубленного интервью с руководителями государственных и общественных организаций, адвокатов, юристов, журналистов, общественных деятелей, работающих с лицами, пострадавшими от внутрисемейного насилия

Тема 1. Общая информация

Личный и профессиональный опыт	Расскажите, пожалуйста, немного о себе.
Биография	Как Вы связаны с проблемой семейного насилия? Что послужило поводом для того, чтобы связать свою деятельность с этой проблемой?
Опыт работы с данной проблемой	Расскажите о своей организации и деятельности в ней: как и когда она создавалась, основные цели и направления деятельности, Ваш личный опыт работы вне.

Тема 2. Оценка текущего состояния проблемы семейного насилия в РФ

Отсутствия статистики семейного насилия	На ваш взгляд, в чем причины отсутствия официальной статистики пострадавших от домашнего насилия? По вашему мнению, чем опасно отсутствие официальной статистики по данной проблеме?
Официальная статистика и Статистика общественных организаций	Как сейчас различается статистика вашей организации и официальная статистика в вашем регионе?
Проблема семейного насилия в Вашем регионе	Расскажите, пожалуйста, о данной проблеме в Вашем регионе? Как часто обращаются, половозрастная структура пострадавших, виды насилия, с которыми сталкиваются? Работаете ли Вы с авторами домашнего насилия? Обращаются ли мужчины? Если да, то с какими проблемами они сталкиваются? Одна из самых незащищенных групп населения – пожилые люди. Известны ли Вам случаи обращения пожилых

	людей в убежища/общественные организации и проч.? Есть ли какая-то особая специфика для региона в проблеме семейного насилия?
Кейсы	Можете ли назвать основные причины насильственных действий в семьях после общения/помощи пострадавшим? Есть ли положительные примеры, когда удавалось изменить ситуацию в семье?

Тема 3. Covid-19 и семья

Положение до введения ограничительных мер	Известно, что проблема домашнего насилия становится все более значимой, актуальной и опасной для межличностных отношений. Как Вы можете охарактеризовать проблему семейного насилия, в частности, до принятия ограничительных мер и режима самоизоляции?
Положение во время ограничительных мер	Замечен ли рост семейного насилия во время режима самоизоляции? Какие еще факторы, кроме замкнутого пространства, повлияли на рост семейного насилия во время самоизоляции? Кто чаще обращается?
Обстановка на сегодняшний день	Как Вы считаете, что может помочь в решении проблемы?
Кейсы	

Тема 4. Оценка мер реагирования и профилактики семейного насилия

Система профилактики и реагирования	Как Вы понимаете систему профилактики семейного насилия? Чем в реалиях профилактики отличается от системы реагирования? Какие инструменты профилактики семейного насилия доступны в Вашем регионе?
Эффективность мер	Оцените общее состояние системы профилактики семейного насилия и в России, и в регионе, в котором Вы работаете с точки зрения эффективности
Роль государства	Помогает ли государство в области профилактики семейного насилия? Какую поддержку получает организация и в каких видах помощи и поддержки нуждается Ваша организация? Есть ли, на ваш взгляд, необходимость в принятии Закона о преодолении семейного насилия?
Рекомендации	Какие рекомендации Вы можете дать по ряду направлений: – Преодоление проблемы семейного насилия на региональном и федеральном уровне – Как должна работать система профилактики и система реагирования – Роль государства и роль гражданского общества в преодолении данной проблемы